

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы II международной
научно-практической конференции

(19 марта 2025)

УДК 004.02:004.5:004.9

ББК 73+65.9+60.5

М43

Редакционная коллегия:

Аминов Б.У., кандидат исторических наук, доцент,
Ахмедов Ж.Д., кандидат технических наук, доцент,
Бозарова Ф.Г., доктор философских наук, доцент,
Исашов А., доктор сельскохозяйственных наук, профессор,
Исраилова Д.К., доктор экономических наук (DSc), доцент,
Комолов Х.Х., кандидат экономических наук, доцент,
Мусашайхов У.Х., доктор медицинских наук,
Рахимов А.Х., доктор сельскохозяйственных наук,
Смирнова Т.В., доктор социологических наук, профессор,
Тягунова Л.А., кандидат философских наук, доцент,
Усманова Д.Д., доктор медицинских наук, доцент,
Хамдамова Х.Ш., доктор филологических наук (PhD),
Юсупов М.М., кандидат химических наук, доцент.

М43 МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.: материалы II международной научно-практической конференции (19 марта 2025г., Саратов) Отв. ред. Смирнова Т.В. – Издательство ЦПМ «Академия Бизнеса», Саратов 2025. - 80с.

Сборник содержит научные статьи и тезисы ученых Российской Федерации и других стран. Излагается теория, методология и практика научных исследований в области информационных технологий, экономики, образования, социологии.

Для специалистов в сфере управления, научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов вузов и всех лиц, интересующихся рассматриваемыми проблемами.

Материалы сборника размещаются в научной электронной библиотеке с постатейной разметкой на основании договора № 1412-11/2013К от 14.11.2013.

УДК 004.02:004.5:004.9

ББК 73+65.9+60.5

© *Институт управления и социально-экономического развития*, 2025

© *Саратовский государственный технический университет*, 2025

© *Автономная некоммерческая организация "Центр развития туристических проектов и молодежных инициатив "ВОКРУГ ВОЛГИ"*, 2025

Han Ning
School of Marxism
Jining Normal University
"Inner Mongolia Urban-Rural Public Service Equalization Research
Center" of Jining Normal University
Ulanqab, Inner Mongolia, China

**RESEARCH ON THE COORDINATION EVALUATION OF RESOURCE
EFFICIENCY OF URBAN AND RURAL BASIC EDUCATION
FACILITIES——TAKING JINING DISTRICT IN ULANQAB CITY AS AN
EXAMPLE**

Fund Project: "Research on the Spatial Balance of Supply and Demand of Basic Education Resources in Ulanqab City" (JSJCJY2024204), a special scientific research project for discipline construction and basic education at Jining Normal University.

Abstract: Taking Jining District in Ulanqab City as an example, this paper focuses on the basic education resources at the primary and junior high school levels. It collects, compiles, and analyzes data on indicators such as the number of facilities, service capacity, and spatial attributes of regional urban and rural basic education facilities. Subsequently, using statistical methods such as factor analysis, combined with geographical statistical analyses like buffer zone analysis, spatial clustering analysis, standard distance analysis, and average distance analysis, the paper conducts sub-component analysis and comprehensive evaluation of the resource allocation level and service efficiency of basic education within the city. Then, it analyzes and interprets the overall level of coordination between resources and efficiency, determines the current distribution of educational resource-efficiency coordination in Jining District, and proposes corresponding strategies and suggestions for improving and optimizing basic education across the entire region based on the analysis. These strategies and suggestions are categorized by time and type, addressing the main issues in Jining District's current basic education resources, such as the increasingly saturated resource supply in urban areas and the hollowing out of rural areas.

Keywords: educational facilities, public services, urban-rural integration, spatial equilibrium, equalization, supply-demand balance

1 Introduction

Public services serve as a fundamental element in the lives of urban and rural residents. In China, the requirement for basic public services in urban and rural areas

is equalization. Equalization of public services refers to the fair and accessible provision of approximately equal basic public services to all citizens. Its core is to promote equal opportunities, with the focus on ensuring that the people have access to basic public services. Generally speaking, the equalization of public service facilities goes through three stages: uniformity, balance, and homogeneity.

The first stage is the basic level adaptive coverage under the state of low-density population distribution. In this stage, the population distribution is relatively sparse, and the construction of public service facilities mainly focuses on meeting the basic needs of residents and achieving basic level coverage. For example, in some remote rural areas, the government will build basic medical facilities, educational facilities, etc., to ensure that local residents can enjoy basic medical services and educational resources. The supply of public service facilities in this stage is relatively limited, but it can meet the basic living needs of residents. The second stage is the guided coverage stage where facility improvement and moderate population agglomeration proceed in parallel during the urbanization process. As urbanization accelerates, the population gradually agglomerates towards cities and towns. In this stage, the construction of public service facilities not only needs to meet the increased demand brought by population agglomeration but also needs to guide the rational distribution of the population. The government will increase investment in public service facilities in cities and towns, improve the quality and level of facilities, and at the same time, through planning and policy guidance, promote moderate agglomeration of the population in different areas to avoid problems caused by excessive concentration. For example, in the construction of new urban areas, the government will plan and build public service facilities such as schools, hospitals, and parks in advance to attract population inflow and promote balanced development in the area. The third stage is the full population coverage stage of high-quality services under the state of high urbanization level. In this stage, the level of urbanization is already high, and the population distribution is relatively stable. The focus of public service facility

construction shifts to providing high-quality and diversified services to achieve comprehensive population coverage. The government will further optimize the layout and configuration of public service facilities, improve the standardization and equalization of services, and ensure that every resident can enjoy high-quality and convenient public services. For example, in urban centers and suburbs, the government will build high-level medical institutions, educational institutions, cultural facilities, etc., to meet residents' pursuit of a high-quality life [1].

As China's economic level continues to improve and social culture develops, compulsory education, as a fundamental means of enhancing the quality of urban and rural residents, has become the most important and indispensable aspect of public services. Meanwhile, with the large-scale population movement that accompanies the process of urbanization, a significant number of rural people are flocking to cities, highlighting the issue of rural hollowing out. The balance of public services between urban and rural areas is constantly being tested and impacted. The essence of public service facilities lies in balancing the distribution of interests through land use and spatial order. The core issue lies in the coordination of public interests. Therefore, merely arranging urban and rural basic education facilities from the perspective of spatial balance will lack overall planning for the service efficiency and supply-demand coordination of public resources.

Therefore, this paper takes Jining District in Ulanqab City as an example and basic education resources as the research object. It focuses on the resource allocation and supply-demand efficiency of public services in the basic education stage, explores the influencing factors of the coordination of urban and rural basic education facilities, and conducts comprehensive analysis and evaluation of the coordination of urban and rural education resources and efficiency from multiple perspectives and indicators. The aim is to identify the core issues in the allocation of basic education resources and propose targeted strategies for enhancing and optimizing basic education resources in Jining District based on the actual situation.

2 Research Objectives, Methods, and Approach

2.1 Research subjects

2.1.1 Definition of the spatial scope of the study

The scope of this study covers the entire Jining District. Jining District is subordinate to Wulanchabu City, Inner Mongolia Autonomous Region, with an area of 404.8 square kilometers. It governs 8 streets, 1 town, and 1 township, and currently exhibits a system structure of "main urban area - new district sub-city - township", with distinct urban-rural structural characteristics.

2.1.2 Definition of basic education

The basic educational resources referred to in the text are educational facilities at the compulsory education stage, namely primary and junior high schools. On the one hand, compulsory education is characterized by its mandatory nature and is a basic livelihood demand that the state must effectively guarantee. On the other hand, whether urban or rural residents, they generally "enroll nearby" at the primary and junior high school stages. Educational resources are closely related to residential areas and have a high dependence on the supply of underlying resources. Therefore, the urban-rural coordination of primary and junior high schools has great research value. However, senior high schools, vocational education, higher education, special schools, etc., due to their non-mandatory nature or weaker geographical constraints on student enrollment, are not the main content of this study.

2.1.3 Data Basis for the Study

The current data related to basic education resources used in this study are all based on the year 2023. The spatial and geographical data are sourced from the National Land Survey Database and the Geographical Provincial Situation Database. The population data is derived from the statistical yearbook published by Jining District in 2023, and the statistical information on basic education resources is obtained from relevant departmental materials.

2.2 Research Approach

The study will be conducted using town-level administrative units as the basic statistical units. By utilizing indicators such as facility quantity, service capacity, and spatial attributes, and employing principal component analysis, a comprehensive evaluation of the resources and efficiency of basic education in each town will be conducted. This will determine the status of each town's resource allocation and service level within the entire Jining region, forming a comprehensive understanding of the overall level of basic education facilities in the region. Subsequently, an analysis and interpretation of the coordination between resources and efficiency will be carried out, and a matrix for coordinating basic education resources and efficiency will be constructed. Targeted suggestions for optimizing resource allocation will be proposed for different types of towns.

3. Resource allocation and service efficiency of basic education in Jining

3.1 Evaluation of resource allocation level

The level of resource allocation in basic education can be analyzed and evaluated from the perspectives of the quantity, quality, and acquisition cost of resources possessed by each administrative unit. This study selects three perspectives: spatial distribution, resource quality, and service pressure, to conduct indexed assessments and analyses, and conducts a comprehensive evaluation of these three aspects to determine the position of each unit within the entire region.

3.1.1 The degree of balance in spatial layout

The spatial balance of urban and rural educational facilities can be analyzed through the quantity of schools owned by each town or street, the coverage rate of school service radius, and the average distance between school and residence.

School ownership refers to the number of schools within the administrative boundaries of each town. School service radius coverage refers to the proportion of residential land within a certain service radius of educational resources in each unit, as a percentage of the total residential land in the unit. This indicator can reflect the "dead zones" of school services. Referring to the explanation of "enrolling nearby", the study analyzes the service radius of 2.5km for primary schools and 5km for

junior high schools. The average distance between school and residence refers to the average distance between each residential land parcel in the town and the nearest educational resource. ^{D_m} This characteristic value is used in this study to describe the average travel distance cost for residents to reach schools.

Based on the above three characteristics of spatial layout balance, and considering the current distribution of primary and junior high schools in the administrative units of Jining District, it can be seen that Jining District has achieved full township coverage for primary schools. However, administrative units with junior high schools account for only 41.6%, which is less than half, and there is a clear trend towards favoring urban areas. The coverage of primary and junior high schools in the whole district exhibits a strong consistency, but the current layout of junior high schools still struggles to provide equal service across the entire district.

3.1.2 Service quality of educational resources

The service quality of educational resources is primarily reflected in the overall size of schools. Based on this, this study selects three basic indicator characteristics: the number of students, the number of faculty and staff, and the school's floor area, to describe the quality of education. From the current distribution of educational resource service quality, the quality of educational resources in urban areas has an absolute advantage over that in rural areas. In particular, Hushan Street, which was developed first in the main city, has the most abundant educational resources, gathering more than 30% of the faculty and staff and over 40% of the students in the entire area. The central urban area possesses more than half of the educational resources in the entire district. The quality of educational resources in various towns across the district exhibits significant urban-rural differences.

3.1.3 Service pressure on educational facilities

Considering the potential cross-administrative school enrollment at the border of town handovers, we introduce Thiessen polygon analysis to identify the potential service areas of each school. According to the characteristics of Thiessen polygons, the distance from any point within the shape generated by a current school location

to that school is less than the distance from that point to any other school. In other words, the potential service areas delineated by polygons represent the optimal solution for educational resources at the individual level of service recipients. This approach provides a more comprehensive top-level description than simply evaluating basic educational facilities within administrative units, and can more accurately reflect the balance of resource allocation at the regional level across towns.

Based on the potential service range derived from the analysis E1,E2.....En, this study adopts the standard distance mean of the potential service range of each school within the administrative unit as a characteristic indicator to measure the spatial pressure of educational facilities. Assume that there are n schools in Z town, which are respectively,

The pressure on the educational facilities in this town is PZ, then

$$P_z = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n SD(E_i) \tag{1}$$

The Ei standard distance of residential land within the potential service area of the SD(Ei) school is obtained through analysis using ArcGIS software.

The standard distance calculation method is shown in Equation (2). This value can be used to describe the degree of agglomeration of a set of spatial elements. Generally speaking, a standard deviation circle with a radius of 1 standard distance can cover approximately 63% of the elements, while a circle with a radius of 2

$$SD = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2}{n} + \frac{\sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}{n}} \text{ standard deviations can cover approximately 98\% of the elements in the cluster.} \tag{2}$$

The service pressure map of educational facilities is obtained through the aforementioned calculations. From the perspective of indicator representation, the service pressure at the primary school level is negatively correlated with the number of schools within the administrative unit. However, due to the overall level of allocation in township areas being significantly lower than that in urban areas, Xindeng, Changkou, and Wanshi Towns, which are surrounded by numerous

villages without junior high schools, all bear relatively prominent service pressures. The trend of polarization in educational service pressure is quite significant.

3.1.4 Comprehensive evaluation of resource allocation level

Based on the indicators mentioned earlier, an indicator system is constructed as shown in Table 1.

Based on the fundamental analysis of the allocation levels of various basic education resources in Jining District presented in the previous text, it can be inferred that there may be a certain correlation among various indicators. Therefore, this study takes the 14 indicators of basic resource allocation levels listed in the table above as input factors, performs dimensionality reduction on the indicators using principal component analysis, and evaluates their comprehensive levels. The results are presented in Tables 2a to 2c. The KMO test value (Table 2a) of the analysis result is 0.746 ($KMO > 0.6$), indicating that the basic data structure used for evaluation is sound, and the principal component analysis results possess certain practical value.

Table 1: Indicator composition for comprehensive evaluation of resource allocation level

Overall objective	First level indicator	Secondary indicators	code
Comprehensive evaluation of the resource allocation level of basic educational facilities	The degree of balance in spatial layout	Number of primary schools	X1
		Coverage rate within a 2.5km service radius of primary schools	X2
		Average distance between primary school and residence	X3
		Number of junior high schools	X4
		Coverage rate of 5km service radius in junior high schools	X5
		Average distance between school and home in junior high school	X6
	Service quality of educational resources	Number of primary school students	X7
		Number of teaching and administrative staff in primary schools	X8
		The area occupied by the primary school campus	X9
		Number of junior high school students	X10
		Number of teaching and administrative staff in junior high school	X11
		The area of the junior high school campus	X12
	Service pressure on educational facilities	Service pressure on primary schools in the town	X13
		Service pressure on junior high schools in the town	X14

The principal component analysis results revealed three principal components, which accounted for 89% of the total variance (Table 2b). The composition of the component matrix is presented in Table 2c. Based on the contribution of each factor (X1-X14), the level of basic education resource allocation in each town was calculated as shown in Table 3. For a given town, if its comprehensive evaluation value is above 0, it indicates that its resource allocation level is higher than the average level of the entire region; if it is below 0, it indicates that its allocation level is lower than the average level of the entire region.

Table 2: Results of principal component analysis on the allocation level of basic education facilities in Jining

a) Bartlett's test

			.746
Bartlett's test of sphericity yielded an	approximate chi-square of		631.777
	df		91
	Sig	.000	

b) Total explained variance

component	Initial characteristic value			Extract square sum and load		
	amount to	% of variance	Accumulated%	amount to	% of variance	Accumulated %
1	8.552	61.084	61.084	8.552	61.084	61.084
2	2.875	20.533	81.617	2.875	20.533	81.617
3	1.093	7.808	89.425	1.093	7.808	89.425
4	.578	4.128	93.553			
5	.264	1.884	95.437			
6	.189	1.351	96.787			
7	.157	1.120	97.908			
8	.128	.916	98.824			
9	.092	.658	99.482			
10	.051	.363	99.845			
11	.018	.130	99.975			
12	.003	.022	99.996			
13	.000	.002	99.999			
14	.000	.001	100.000			

c) Component matrix

	component			component			
	1	2	3	1	2	3	
X12	.949	.183	.047	.892	.193	.125	
X4	.949	.058	.151				
	.930	.311	-.188	X13	-.671	.571	.130
X10	.913	.330	-.179	X5	.621	-.601	.195
X8	.910	.354	-.169	X3	-.319	.771	.326
X7	.904	.354	-.203	X2	.483	-.720	.381
X9	.904	.269	.092	X6	-.586	.647	.221
				X14	.495	-.231	.756

Table 3 Evaluation of the resource allocation level of basic education facilities in Jining based on principal component analysis

Town name	Ingredient 1	Component 2	Ingredient 3	Comprehensive evaluation value	sort
Xinti Road Sub-district	3.53	1.94	-1.72	2.70	1
Qiaodong Street	1.28	0.50	0.95	1.07	2
Qianjin Road Sub-district	0.93	0.56	1.48	0.89	3
Changqing Street	0.37	-0.42	1.45	0.28	4
Hushan Street	0.68	-1.08	0.40	0.25	5
Qiaoxi Street	0.87	-1.36	-0.55	0.23	6
Xinhua Street	-0.14	0.36	2.12	0.17	7
Quanshan Subdistrict	0.19	-0.31	0.91	0.14	8
Baihaizi Town	0.63	-1.55	0.50	0.12	9
Malian Canal Township	0.12	-1.20	0.88	-0.12	10

Based on the current overall development direction of Jining, the final evaluation value of resource allocation level is as follows: among the six township-level administrative units above the regional average: three streets constitute the central urban area, with Xinti Road and Hushan serving as the central areas of urbanization development, while Quanshan and Xinhua Street are the main areas of recent expansion in the main urban area. Only Malianqu Township belongs to the rural development unit, with a clear urban-rural level differentiation. Education resource allocation is significantly tilted towards urban development areas.

3.2 Evaluation of service efficiency level

Due to the disparities in public service resources between urban and rural areas, which often drive rural population migration to cities, resulting in a phenomenon of "hollowing out" of basic services in rural areas, this paper aims to reflect this phenomenon in the evaluation of the distribution balance of educational facilities and identify inefficient and excess educational resources within the study scope. It will conduct a detailed analysis using four indicators: teacher-student balance, student-school building balance, student-campus area balance, and localized enrollment rate.

The teacher-student balance is quantified by the teacher-student ratio, which represents the ratio of the number of teaching staff to the number of students in each

town. Considering the standard teacher-student ratios of 1:19 and 1:13.5 for primary and junior high schools in China, a larger discrepancy from the standard value indicates lower service efficiency. The balanced distribution of students and school buildings, as well as students and campus area, refers to the average building area per student and the average campus area per student. When the average building area per student and campus area per student in a certain area are excessively large, it indicates that the area is likely to face a significant problem of educational hollowing out. The localization enrollment rate refers to the ratio of the current actual number of students in the town to the school-age population. A lower value indicates a more severe population loss issue.

By employing the principal component analysis method to evaluate the aforementioned four service efficiency indicators for each town in the entire Jining region (Table 4), a KMO test value of 0.843 was obtained, and one principal component factor was identified, indicating that the analysis results are relatively meaningful.

Table 4: Evaluation of Service Efficiency of Basic Education Facilities in Jining Based on Principal Component Analysis

Town (Street) name	Evaluation value	sort
Xinti Road Sub-district	-1.50898	1
Qiaodong Street	-1.20994	2
Qianjin Road Sub-district	-0.97806	3
Changqing Street	-0.96439	4
Hushan Street	-0.78847	5
Qiaoxi Street	-0.78685	6
Xinhua Street	-0.78444	7
Quanshan Subdistrict	-0.658	8
Baihaizi Town	-0.52406	9

The lower the comprehensive evaluation value of basic education facility service efficiency obtained from the above analysis, the more difficult it is for the supply of regional basic education resources to meet demand. Conversely, it indicates an oversupply of basic education services and low service efficiency.

4. Analysis of the coordination between resources and efficiency in basic education in Jining

4.1 Interpretation of the coordinated relationship between resources and efficiency

Based on the aforementioned analysis and in conjunction with the practical significance and connotation of the evaluation values of resources and efficiency in this study, the author summarizes it as the basic education resource-efficiency evaluation matrix for Jining District. According to the meanings represented by each quadrant in the matrix, the towns in Jining District are categorized into four types based on their current resource-efficiency evaluation values: Type I is high-quality development, Type II is township hollowing out, Type III is educational resource scarcity, and Type IV is demand growth. Meanwhile, incorporating the concept of the standard deviation circle, this paper identifies towns within the 1 standard deviation circle as units with relatively coordinated resource-efficiency. Towns located outside this circle are prioritized for recent basic education facility optimization. This results in a diagram of the basic education resource-efficiency coordination judgment for each town in the district.

4.2 ANALYSIS OF CORE ISSUES IN THE CURRENT STATUS OF BASIC EDUCATION FACILITIES IN JINING

Based on the results of the resource-efficiency coordination assessment, the comprehensive understanding of basic education facilities in Jining is summarized as follows:

The main urban areas with a high level of urbanization, the sub-cities in the new districts, as well as Quanshan, Qiaoxi, and Baihaizi towns, which have been the main expansion directions of urban space in recent years, are the areas with the highest level of educational resources in Jining District. The degree of urbanization is highly consistent with the level of educational resource allocation, and the phenomenon of urban-rural differentiation is significant.

The level of basic education resource allocation at the regional level in Jining is relatively high. From the perspective of the availability in various villages and towns, it has reached the expected target set in the original master plan. However, considering the actual service efficiency of its resources, there are still prominent issues of urban-rural differentiation and resource imbalance.

In the main urban area of Jining, especially in the old urban area, although there is a relatively high allocation of educational resources, with the continuous population migration from rural areas to urban areas, the pressure on basic education in the urban area has been increasing, resulting in a supply shortage of basic educational resources. At the same time, many townships in Jining have experienced the problem of rural basic education becoming hollowed out, with Xinhua Street, Malianqu Township, and Baihaizi Town being particularly prominent in this regard.

The most prominent issue of coordination in basic education in Jining lies in the Qianjin Road Subdistrict and Changqing Subdistrict. As the old urban area of Jining, Qianjin Road Subdistrict, despite possessing over 20% of the district's educational resources, still faces severe constraints. The subdistrict has a primary school-age population of approximately 11,000 and a junior high school-age population of about 7,000, yet the actual enrollment numbers in both primary and junior high schools exceed 150% of the service targets within the administrative scope. The teacher-student ratio in primary schools barely meets the standard at 1:19, while the ratio in junior high schools stands at 1:14, failing to meet the national basic requirements. Corresponding to the scarcity of educational resources is the shortage of land resources. Land resources in the old urban area are quite tight, making it difficult to plan the establishment of primary and secondary schools, and the pressure on serving the population is urgent to be alleviated. Qianjin Road Subdistrict faces a serious problem of educational hollowing out. The entire subdistrict has a population aged 7-12, but the only existing primary school has 100

primary school students and 20 teaching staff, with a teacher-student ratio of 1:5. The local enrollment rate is only 0.1%, resulting in low service efficiency.

The level of educational resources in the entire Jining region exhibits a pronounced spatial imbalance, with stronger resources in the east and north, and weaker resources in the west and south. This spatial imbalance has exposed two major issues: firstly, population loss in the southern part of Jining, and secondly, the new districts in the western part bearing an excessive burden of educational service pressure from several neighboring towns and villages, posing potential risks of rural population loss, hollowing out of basic services, and shrinking public services.

4.3 SUGGESTIONS FOR UPGRADING AND OPTIMIZING BASIC EDUCATION FACILITIES IN JINING

(1) Based on the evaluation results of the coordination between resources and efficiency, prioritize deviations according to their urgency. Based on the current imbalance in the development of basic education facilities, we determine the key areas for short-term, medium-term, and long-term improvement. The extreme values with deviations above two standard deviations, namely Qianjin Road Subdistrict and Malianqu Township, are the focus of short-term improvement and optimization. The towns with resource-efficiency imbalances with deviations above one standard deviation, including Changqing Subdistrict, Hushan Subdistrict, Quanshan Subdistrict, Baihaizi Town, Qiaoxi Subdistrict, and Qiaodong Subdistrict, are the focus of medium-term improvement and optimization. The optimization of educational resource balance in other towns is set as a long-term goal.

(2) Combine the township classification results from the coordination matrix to determine the direction based on the shortcomings

Based on the four categories of towns summarized above, we propose targeted directions for improvement and optimization:

Type I high-quality development towns currently have relatively good basic education resources. In the future, they should fully maintain and utilize their

current advantages and pursue high-quality improvement. Type II hollow towns mainly face the problem of population loss. They should take the opportunity of rural revitalization, leverage the development of rural agro-tourism, fully utilize local characteristics, attract more rural people to work and start businesses locally, and thus form a virtuous cycle of mutual promotion between public services and social development. Type III towns with scarce educational resources have certain shortcomings in terms of the quantity and quality of basic education facilities, nearby enrollment, and reasonable resource allocation. It is necessary to adopt a multi-pronged approach involving space, resources, and development to promote the rapid implementation of local basic education. Type IV towns with growing demand currently face the main problem of increasing demand for basic education due to urbanization. These towns should focus on strengthening the synchronization of basic education resources with urban and rural construction, and effectively ensure the implementation of public service facilities from a higher perspective. It is necessary to resolutely avoid the problem of public services lagging behind urban and rural construction.

(3) Integrate urban and rural social resources for coordinated planning, aiming to achieve equitable development and service provision

Based on the core issues identified in the research regarding basic education resources in Jining, the most prominent issue in the entire region is the contradiction between the supply shortage in urban areas and the depopulation in rural areas. Therefore, from the perspective of regional construction and overall balance, it is of utmost urgency to stabilize the urban-rural structure, control population outflow, balance urban and rural services and resources, and focus on improving the retention rate of rural population through the development of rural areas, thereby promoting balanced urban-rural development across the entire region.

5 Conclusion

This article conducts qualitative and quantitative analysis and research on the allocation of basic education facilities resources, service efficiency, and their

coordination in Jining District from the perspectives of space, quantity, and quality. It identifies the main bottlenecks in the current development of basic education facilities in Jining, providing strategic guidance for the optimal allocation of space and resources in future education. However, planners should also be aware that the allocation of public welfare resources such as basic education also involves the influence of factors such as top-down policy guidance, financial support, bottom-up population mobility, social development, as well as agricultural, ecological, and urban spatial coordination. Therefore, further analysis and argumentation based on this study and tailored to local conditions are needed at the operational level to maximize resource utilization and achieve comprehensive and efficient integration of elements.

References

- [1]Luo Zhendong, Wei Jianguo, Zhang Jingxiang. Focus on this issue: Research on the equalization of public service facilities - Definition, characteristics, and approaches to the equalization development of basic public service facilities in urban and rural areas [J]. Modern Urban Research, 2023(7):6-13.
- [2]Yu Peiyang, Wang Peizhen, Li Ting, et al. A Discussion on Rural Kindergarten Planning from the Perspective of Welfare Economics [C] // 2022 China Urban Planning Annual Conference.
- [3]Liao Yiquan. Research on the equalization of urban and rural basic public service facility layout [J]. Urban Construction Theory Research, 2023(17).
- [4]Liu Shangxi. Equalization of Basic Public Services: Practical Requirements and Policy Paths [J]. Zhejiang Economy, 2022(013):24-27.
- [5]Zhang Xiaodong, Han Haoying. Construction and Practical Exploration of Public Service Facility Land Planning Model Based on the Perspective of Equity - Taking the Planning and Design of Public Service Facilities in the Industrial New Town of S City as an Example [J]. Modern Urban Research, 2022(8).

*Баглюк С.Б., кандидат философских наук
доцент кафедры «Основы научно-
исследовательской деятельности»
Академия постдипломного образования
ФГБУ ФНКЦ ФМБА России
г. Москва*

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ И ВЕЖЛИВОСТЬ В ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация: В данной статье рассматриваются одни из важнейших составляющих общения и взаимодействия в любой профессиональной сфере. С привлечением методов семиотики, герменевтики и контент-анализа выделены существенные и краеугольные вербальные элементы вежливых форм поведения с учетом ряда межкультурных различий в представлениях об уместности отдельных слов и выражений. В заключении предложены выводы о необходимости постоянного внимания к соблюдению рамок корректного обстоятельством делового общения поведения, а также акцентированы самые значимые правила вежливости как в целом для деловых, так и межкультурных вариантов коммуникаций в частности.

Ключевые слова: коммуникация, вежливость, этикет, межкультурное общение, взаимопонимание.

*Baglyuk S.B., candidate philosophical sciences
Associate Professor of the Department
"Fundamentals of scientific research activity"
Postgraduate Academies
education of the Federal State
Budgetary Educational Institution FNCC
FMBA of Russia
The city of Moscow*

SPEECH ETIQUETTE AND POLITENESS IN BUSINESS COMMUNICATION

Abstract: This article discusses some of the most important components of communication and interaction in any professional field. Using the methods of semiotics, hermeneutics and content analysis, the essential and cornerstone verbal elements of polite forms of behavior are identified, taking into account a number of intercultural differences in ideas about the relevance of individual words and expressions. In conclusion, conclusions are drawn about the need for constant

attention to observing the framework of behavior that is correct in the circumstances of business communication, and the most important rules of politeness are emphasized both in general for business and intercultural communication options in particular.

Keywords: communication, politeness, etiquette, intercultural communication, mutual understanding.

Вопросы применения, реализации или использования вежливых выражений в общении с кем-либо на повседневном уровне взаимодействий связаны с самыми привычными для определенной культуры представлениями о том, что можно говорить, а что нельзя. В отечественных реалиях общие смыслы, характеризующие понятие вежливости, зафиксированы, в частности, у В.И. Даля¹, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой², и в данных фундаментальных лингвистических сводах понимание вежливости связывается с приличием, учтивостью, воспитанностью в поведении. Вместе с тем, понятие этикета отражает применимые только для особых обстоятельств формы поведения и коммуникации³, вне которых этикетные рамки общения снова становятся идентичными тому, что связано с вежливостью. Существуют ли, в таком случае, поведенческие параметры, регулирующие взаимоотношения сторон, в которых и этикет, и вежливость могут быть интегрированы? Или этикет можно рассматривать как часть профессиональной культуры специалиста в какой-либо сфере, а вежливость - как инструмент налаживания конструктивных отношений в любых видах общения? Здесь связующим звеном того и другого становится речевой этикет понимаемый как опять же как вежливость, обусловленная этическими нормами и речевыми правилами⁴. Эта форма этикета представляет собой стандартизированные и применяемые на уровне

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: РИПОЛ классик, 2006. –Т.1. С.233.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 934 с. – С. 72.

³ Культура и культурология: Словарь. – М.: Академический проект, 2020. – 928 с. – С. 911.

⁴ Маркова В.А. Коммуникативно-прагматическое поле вежливости: формирующий прагматический эффект и структура // Достижения вузовской науки 2021: сборник статей XVII Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2021. – Пенза: Издательство «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев В.Ю.), 2021. – 382 с. – С. 251.

автоматизма вербальные формулы в облике отдельных слов и / или выражений. Напр., приветствия, прощания, соболезнования, поздравления, пожелания, извинения и т. д. Особой характеристикой, накладывающей дополнительные смысловые оттенки на хорошо всем знакомые слова и обороты, обладает интонация, с которой произносятся данные формулы. Интонация, являясь невербальным дополнением к устно-речевой коммуникации, может обладать смысловым центром притяжения, полностью переиначивая знакомые для восприятия вежливые обороты. Напр., иронично сказанное «Как дела?», или саркастичное «Большое спасибо!», или фамильярное «Здрате!» означают совсем иные намерения или настроения говорящего, нежели смыслы произносимых слов самих по себе.

Здесь, в данной работе, в первую очередь, акцентированы именно виды устного общения, поэтому интонационные параметры будут неоднократно в зоне внимания. Деловые коммуникации в том формате, в котором они осуществляются непосредственно лицом к лицу, задействуют весь спектр элементов корректного речевого поведения, фундируемого вежливостью и этикетными рамками взаимодействия. Если считать, что этикет представляет собой определенный порядок реализации слов, фраз и поступков, то, как и в целом любая первая встреча, не только знакомство, но и первая встреча за день, всё начинается с приветствия. Согласно соответствующим правилам, младший по статусу первым здоровается со старшим по статусу, независимо от возраста и гендерных различий. В случае, если статус и возраст равны или здороваются мужчина и женщина, то очередность приветствия значения не имеет⁵. Важно обратить внимание, что для деловых обстоятельств и ситуаций общения светские правила не играют существенной роли, их можно учитывать, а можно нет. И это не рассматривается в данном случае как нарушение формальной вежливости. В таком контексте, видимо, следует

⁵ Шевелева О.В. Манеры для карьеры. Современный деловой протокол и этикет. – М.: «Эксмо», 2020. – 253 с. – С. 13.

переключиться на невербальные параметры официальных контактов. Напр., кто кому открывает дверь, если гендерные аспекты не имеют решающего значения для деловых коммуникаций? Младший по статусу для старшего по статусу, хозяин для гостя, сотрудник для клиента – независимо от вышеуказанных гендерных различий⁶. Для соблюдения основных правил делового взаимодействия в первую очередь требуется компетентность в вопросах, которые предстоит решить в процессе такого сотрудничества. Вежливость проявляется в этом аспекте как один из элементов коммуникации, включенном в определенное «поле» устанавливаемых взаимоотношений⁷. Среди непосредственно связанных с вежливостью параметров или «субполей», с точки зрения В.А. Марковой⁸, можно выделить: корректность, деликатность и приветливость. В указанной работе вежливость представлена как функционально-прагматическая составляющая любой коммуникации, необязательно представляемой в деловом измерении, которое, в свою очередь, регулирует профессиональные контакты, их начало, длительность, интенсивность и вероятный финал.

Диапазон корректности в официальных коммуникативных процедурах варьируется в соответствии с этапом общения: начало – «Добрый день» или, в зависимости от времени суток, «Доброе утро», «Добрый вечер» (при этом приветствие «Здравствуйте» употреблять в деловой обстановке нежелательно, т. к. оно больше подходит для светских мероприятий⁹); основная часть беседы, диалога, переговоров – «Позвольте задать вопрос...», «Извините», «Прошу прощения...», «Думаю, что...», «Позвольте высказать мое мнение...» и т. п.;

⁶ Шевелева О.В. Манеры для карьеры. Современный деловой протокол и этикет. – М.: «Эксмо», 2020. – 253 с. – С. 20-21.

⁷ Маркова В.А. Коммуникативно-прагматическое поле вежливости: формирующий прагматический эффект и структура // Достижения вузовской науки 2021: сборник статей XVII Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2021. – Пенза: Издательство «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев В.Ю.), 2021. – 382 с. – С. 252.

⁸ Маркова В.А. Коммуникативно-прагматическое поле вежливости: формирующий прагматический эффект и структура // Достижения вузовской науки 2021: сборник статей XVII Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2021. – Пенза: Издательство «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев В.Ю.), 2021. – 382 с. – С. 253.

⁹ Игнатьева Е.С. Международный деловой этикет на примере 22 стран мира. – М.: «Эксмо», 2020. – 333 с. – С. 24.

финал – «Благодарю Вас за уделенное время...», «Большое спасибо за содержательный диалог», «Всего доброго», «До свидания» и т. п. Корректность является этикетным языковым средством¹⁰, позволяющим поступательно реализовывать коммуникативные намерения сторон, применяя соответствующие вежливые формулировки.

В целях обеспечения смыслового и формального единства всех «рамочных приличий» корректность, хотя и может квалифицироваться как «холодная вежливость», взаимодействует с деликатностью, способностью, напр., «промолчать из вежливости»¹¹, при этом способствуя поддержанию конструктивной атмосферы беседы или диалога, не нарушая ритм внезапным молчанием. Деликатность предполагает большую выдержку и самообладание, применение широкого спектра языковых средств косвенного выражения собственных намерений и представлений, исключая любую прямолинейность. Среди таких вербальных составляющих деликатности можно назвать эвфемизмы, вводные слова, акцентирующие субъективность высказывания или суждения, формы сослагательного наклонения, риторические паузы, уже упомянутую выше интонацию¹².

Этот аспект подводит к параметрам делового общения, которые отражают межкультурную специфику подхода к проведению как переговоров, так и других коммуникативных процедур внутри какого-либо учреждения, организации, предприятия и т.п. Если обратиться к классификации

¹⁰ Маркова В.А. Коммуникативно-прагматическое поле вежливости: формирующий прагматический эффект и структура // Достижения вузовской науки 2021: сборник статей XVII Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2021. – Пенза: Издательство «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев В.Ю.), 2021. – 382 с. – С. 253.

¹¹ Маркова В.А. Коммуникативно-прагматическое поле вежливости: формирующий прагматический эффект и структура // Достижения вузовской науки 2021: сборник статей XVII Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2021. – Пенза: Издательство «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев В.Ю.), 2021. – 382 с. – С. 253.

¹² Маркова В.А. Коммуникативно-прагматическое поле вежливости: формирующий прагматический эффект и структура // Достижения вузовской науки 2021: сборник статей XVII Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2021. – Пенза: Издательство «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев В.Ю.), 2021. – 382 с. – С. 254.

многообразного культурного пространства, предложенной Э. Холлом¹³, то среди высоко-контекстных и низко-контекстных культур можно проследить четкие представления о том, что уместно говорить и делать в деловой обстановке, а от чего лучше воздержаться. Концепция Э. Холла была более детализирована Р.Д. Льюисом¹⁴, в частности, относительно уместности юмора в профессионально-деловых контактах, но к этой тематике обратимся далее более подробно. Итак, в низко-контекстных культурах ценится прямолинейность, стремление сразу же переходить к сути и не тратить время на формальные церемонии. К таковым культурным установкам тяготеют представители США, Германии, Скандинавских стран¹⁵. В противоположность, представители высоко-контекстных культур (Китай, Япония, Саудовская Аравия, страны Латинской Америки) уделяют значительное внимание деталям взаимоотношений, выстраиваемых между сторонами, относящаяся к делу информация напрямую не высказывается, многое сообщается с помощью отмеченных выше эвфемизмов и намеков¹⁶. Сказать всё как есть, оставив в стороне то, что, по мнению представителей низко-контекстных культур, не имеет решающего значения для хода переговоров, - этот принцип в большей степени воплощается в американских бизнес-традициях. «Слово изреченное» значит в таком случае мало. Важнее подписанный контракт, т. е. символ взятых сторонами на себя обязательств¹⁷. Поэтому вежливость, понимаемая как процедура соблюдения приличий, выступает препятствием для скорейшего завершения делового контакта с приобретаемой выгодой только для одной стороны. Неопределенность

¹³ Adler R.B., Rosenfeld L.B., Proctor R.F. Interplay: the process of interpersonal communication. – 14th ed. – NY: Oxford University Press, 2018. – 492 p. – P. 43-44.

¹⁴ Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе: От столкновения к взаимопониманию / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Дело, 2001. – 448 с. – С. 70.

¹⁵ Adler R.B., Rosenfeld L.B., Proctor R.F. Interplay: the process of interpersonal communication. – 14th ed. – NY: Oxford University Press, 2018. – 492 p. – P. 44.

¹⁶ Adler R.B., Rosenfeld L.B., Proctor R.F. Interplay: the process of interpersonal communication. – 14th ed. – NY: Oxford University Press, 2018. – 492 p. – P. 44.

¹⁷ Locker K.O., Kienzler D.S. Business and administrative communication. – 10th ed. – NY: Mc-Graw Hill/Irwin, 2013. – 734 p. – P. 186.

выражаемых намерений вперемишкy с вежливыми обращениями, туманными высказываниями и комментариями представителей высоко-контекстных культур воспринимается представителями низко-контекстных культур как стремление «морочить голову», обмануть или манипулировать. Таким образом, для соблюдения всех тонкостей переговоров или для решения ряда вопросов внутри организации в высоко-контекстных культурах деликатность означает высокий уровень вежливости, исключающий прямые требования и запросы.

Приветливость позволяет реализовать любой вид общения на доброжелательной ноте: «Рады вас приветствовать»; «К вашим услугам...»; «С радостью окажем вам любую поддержку / пойдем вам навстречу»; «С вами приятно иметь дело» и т.п. Можно отметить, что приветливость во многом по смыслу перекликается с любезностью – формой коммуникативного поведения, основными чертами которого являются: говорить кому-либо приятные, учтивые слова и желание нравиться¹⁸. И дополнительной характеристикой, к уже указанной для любезности, будет стремление сказать окружающим что-то для них приятное, напр., комплименты, и ряд относящихся к ним вопросов следует рассмотреть отдельно.

Комплимент как часть вежливых форм общения предстает в разных интерпретациях и определениях: «приветствие с похвалой»¹⁹; «лестный отзыв»²⁰; «небольшое преувеличение достоинств человека, о которых ему приятно услышать»²¹. Смысловое соприкосновение комплимента с похвалой и лестью указывает на необходимость частичного разграничения данных понятий, т. к. в определенных контекстах они могут совпадать, напр., чувство

¹⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 Т. – М.: РИПОЛ классик, 2006. –Т.2. - С.285.; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 934 с. – С. 335.

¹⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 Т. – М.: РИПОЛ классик, 2006. –Т.2. - С.151.

²⁰ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 934 с. – С. 288.

²¹ Шейнов В.П. Неотразимый комплимент. Безотказные приемы влияния. – СПб.: Издательство «Питер», 2015. – 110 с. – С. 6.

меры может не стать препятствием для превращения комплимента в лесть, особенно, если вмешивается различие культурных контекстов²². И потом, этот переход может быть едва заметен в ситуациях обыденного или бытового общения, т. к. автор комплимента непринужденно начинает превозносить личные качества своего/своей визави, перемешивая их с восхищением внешними данными. В контексте деловых, профессиональных коммуникаций, лестный отзыв звучит двусмысленно, как, напр., характерная фраза, выражающая позитивную оценку внешности: «Вы хорошо выглядите». Здесь речь заходит о том, что вызывает неоднозначную реакцию у адресата комплимента. Вежливость требует сдерживать определенные преувеличения с тем, чтобы демонстрировать расположение к кому-либо, но не озвучивать излишних, пусть и положительных, эпитетов, неискренность которых будет сразу заметна. Гораздо важнее в профессиональной среде оценка, даваемая деловым качествам, имеющим отношение как к исполнительности и дисциплинированности, так и к творческому подходу и сообразительности, проявляемым в процессе исполнения трудовых обязанностей. Поэтому, в отличие от лести, комплимент всегда звучит искренне и непосредственно. Самым корректным ответом на комплимент будет простая благодарность, без подобострастия.

Среди различных форм вербальной вежливости комплимент призван выполнять превентивные функции в устранении разногласий и недопонимания в сфере профессиональных взаимодействий. Комплимент позволяет наладить контакт с партнерами, если речь заходит о переговорах; приобрести союзников²³; укрепить, восстановить, поддержать хорошие отношения с коллегами и/или руководством, когда рабочая атмосфера в

²² Лю Ц. Причины китайско-российских межкультурных коммуникативных неудач с точки зрения теории вежливости // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: Сборник материалов VIII Международной научно-методической конференции. Воронеж, 2024. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2024. – 230 с. – С. 4-5.

²³ Шейнов В.П. Неотразимый комплимент. Безотказные приемы влияния. – СПб.: Издательство «Питер», 2015. – 110 с. – С. 15.

коллективе далека от конструктивной. При этом, ситуация с приобретением союзников не должна превращаться в создание враждующих лагерей, в подобных обстоятельствах комплименты очень быстро теряют предполагаемую искренность и становятся лестью и похвалой, суть которых в манипуляции другими в собственных интересах. Существует также точка зрения, что вежливость сам по себе не может стать позитивным решением во взаимоотношениях разной направленности, т. к. наподобие лести, вежливость тоже притворство²⁴. И вследствие этого, вежливость также может использоваться для манипулятивных намерений, чем способствует обострению процессов деловой коммуникации.

Возникает вполне оправданный вопрос о наличии критериев, позволяющих отделить, условно говоря, «псевдовежливость» как орудие манипуляции и конструктивную вежливость, необходимую для налаживания, поддержания и укрепления положительных отношений с окружающими. С такой точки зрения, вежливость требует постоянного контроля как стороны инициатора общения, чтобы не оказаться неверно понятым, так и со стороны адресата, с целью не стать жертвой манипуляций, маскируемых под доброе расположение и поиск общего языка.

Одним из оснований для исследований этого аспекта коммуникативных процессов стало формирование представлений об общественном образе нашего собственного «я», или того, как мы хотим, чтобы нас воспринимали другие люди²⁵. В межкультурном диапазоне направление разрабатывает американская исследовательница Стелла Тинг-Туми, предлагая рассматривать работу над сохранением лица как основу общения в любой культуре²⁶. Инструментами общения, позволяющими поддержать образ собственного «я»

²⁴ Конт-Спонвиль А. Философский словарь / Пер. с фр. Е.В. Головиной. – М.: Этерна, 2012. – 752 с. – С. 83-84.

²⁵ Гриффин Э. Коммуникация: теория и практики. Пер. с англ. А.А. Науменко. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2015. – 688 с. – С. 558-559.

²⁶ Гриффин Э. Коммуникация: теория и практики. Пер. с англ. А.А. Науменко. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2015. – 688 с. – С. 558-559.

в любых коммуникативных обстоятельствах, становятся знания, осмысленность и навыки взаимодействия²⁷. Если характеризовать данные критерии относительно тематики данной работы, то можно отметить следующее: знания позволяют применять принципы вежливого общения и речевого этикета согласно особенностям коммуникативной ситуации, а также четко представлять, что уместно, а от чего в общении следует воздержаться в межкультурных коммуникативных процедурах; осмысленность предполагает внимание к особенностям стиля общения собеседника, возможно, этот стиль слишком прямолинеен или состоит из туманных выражений, умение определить стилистические свойства партнера по коммуникации поможет скорректировать свой стиль общения для лучших результатов взаимодействия; навыки взаимодействия демонстрируют уверенное владение приемами вежливого речевого общения и принципами речевого этикета, т. к. основные установки вежливого поведения осваиваются преимущественно на практике.

Межкультурные направления исследований коммуникации позволяют связать представления о вежливости с культурной типологией, об одной из разновидностей которой отмечено выше. Вместе с тем, рассматриваемые С. Тинг-Туми особенности понимания коммуникативных намерений в зависимости от типа культуры, одинакового для общающихся сторон или различного, предполагают дополняющее разделение на низко-контекстные и высоко-контекстные культуры деление на коллективистские и индивидуалистические. При всей условности таких типологий, коллективизм как культурная черта коммуникативного поведения отражает стремление держаться группы, с которой тот или иной индивид себя ассоциирует. В данном случае на первом месте оказывается «мы-идентичность»²⁸. Индивидуалистические культуры, по сравнению с коллективистскими,

²⁷ Гриффин Э. Коммуникация: теория и практики. Пер. с англ. А.А. Науменко. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2015. – 688 с. – С. 571-572.

²⁸ Гриффин Э. Коммуникация: теория и практики. Пер. с англ. А.А. Науменко. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2015. – 688 с. – С. 560.

находятся в меньшинстве, их представляют страны и традиции западной цивилизации²⁹. Характерными ценностями для таких культур являются личная свобода, самореализация, стремление к личностному росту, благополучию, независимости. В качестве главных интересов признаются интересы ближайших родственников и свои собственные. В основе индивидуализма лежит «я-идентичность»³⁰. В этом аспекте не следует смешивать индивидуалистические культурные установки и эгоистические наклонности, последние могут проявляться у представителей любого типа культуры. Речь идет о ценностях, определяющих поведенческие реакции, основах отношений к окружающим, закладываемых с самого раннего возраста. В данных основаниях и закладываются принципы вежливости, правильного, по меркам соответствующей культурной традиции, поведения с другими людьми, близкими и чужими. Базовые правила повседневной вежливости усваиваются в общении с родителями. Напр., в исследовании влияния культурных ценностей на такой вид коммуникации обнаружился четкий контраст между американским и китайским стилями взаимоотношений родителей с детьми³¹. Американские родители, представители индивидуалистической культуры, часто задают вопросы детям вместе с предоставлением определенной возможности: «Не хочешь поздороваться со своим дядей?» В свою очередь, родители из Китая, коллективистской культуры, дают указания и ожидают их исполнения: «Поздоровайся со своим дядей». Для традиций коллективистских культур важно воспитывать в детях почтительность, поэтому приветствовать родственника, особенно старшего, обязательно, а не поступать на собственное усмотрение³². В случае с

²⁹ Гриффин Э. Коммуникация: теория и практики. Пер. с англ. А.А. Науменко. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2015. – 688 с. – С. 560.

³⁰ Гриффин Э. Коммуникация: теория и практики. Пер. с англ. А.А. Науменко. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2015. – 688 с. – С. 560.

³¹ Adler R.B., Rosenfeld L.B., Proctor R.F. Interplay: the process of interpersonal communication. – 14th ed. – NY: Oxford University Press, 2018. – 492 p. – P. 46.

³² Adler R.B., Rosenfeld L.B., Proctor R.F. Interplay: the process of interpersonal communication. – 14th ed. – NY: Oxford University Press, 2018. – 492 p. – P. 46.

индивидуалистической культурой, главной целью становится обретение ребенком автономии и независимости, и поэтому дядя или другой родственник должен понять, если ребенок выберет вариант без приветствия³³. Такие различия отражают ценностно-культурные предпочтения и не могут рассматриваться по шкале «хорошо или плохо».

В мире деловых и профессиональных отношений межкультурные различия могут быть разной степени важности. Считается, что формальная вежливость стала более менее универсальной для общения в официальных и формальных обстоятельствах, наподобие того, как это произошло с дипломатическим этикетом в сфере международных контактов. Вместе с тем, стили общения существенно разнятся в зависимости от культурного контекста, как и представление о том, что значит «быть вежливым». В частности, У.Б. Гудикунст выделяет несколько пар коммуникативных стилей, в которых реализуются специфичные каждой культуре установки общения и представлений мере соответствия собеседника таковым установкам³⁴. Выше были выделены два культурных типа – низко-контекстный и высоко-контекстный, и к ним можно отнести два коммуникативных стиля: прямой для низко-контекстных культур и непрямой для высоко-контекстных. Прямой стиль общения стремится исключить всё не относящееся к теме общения, перейти сразу к сути, отказаться от полунамёков, т. к. данный тип культуры ценит время и предпочитает не тратить время на посторонние, по мнению представителей этого культурного контекста, вопросы. Следовательно, приветствуется самый необходимый минимум вежливости, а затем переход непосредственно к основному вопросу встречи или переговоров. Напротив, представители высоко-контекстных культур, рассматривают подобный подход слишком поспешным и вредящим достижению положительного результата,

³³ Adler R.B., Rosenfeld L.B., Proctor R.F. Interplay: the process of interpersonal communication. – 14th ed. – NY: Oxford University Press, 2018. – 492 p. – P. 46.

³⁴ Adler R.B., Rosenfeld L.B., Proctor R.F. Interplay: the process of interpersonal communication. – 14th ed. – NY: Oxford University Press, 2018. – 492 p. – P. 56.

поэтому предпочитают уклончивые и расплывчатые формулировки с тем, чтобы выяснить, с какими людьми предстоит вести дела и поддержать гармоничную атмосферу диалога или беседы.

Другая пара коммуникативных стилей, многословный и лаконичный, также варьирует восприятие собеседников или деловых партнеров, в зависимости от тех культурных сфер, которым они принадлежат. Многословный и вычурный стиль характерен для представителей культур Арабских стран, избыточная любезность, преувеличенные положительные оценки, акцент на удовольствии от встречи с партнерами по коммуникации здесь являются проявлением уважения и вежливости к собеседнику. Разумеется, подобное изысканное приветствие ожидает такого же ответа, однако, лаконичный стиль общения на аналогичный вариант приветствия не способен, т. к. избыточность похвал и комплиментов в рамках данного стиля считается неискренней и слишком приторной. Простых формальных слов для приветствия в случае лаконичного стиля вполне достаточно. Причем, важно отметить, что в случае с этими стилями условная граница между высоко- и низко-контекстными культурами не так очевидна, как и между странами Запада и Востока. В частности, лаконичный стиль общения ценится в Японии, а многословное общение считается важной частью делового этикета во Франции, Италии, Испании, Греции, странах бывшей Югославии. Правда, и в случае с Арабскими странами, и в случае со странами Европы, многословие, как и прямолинейность, не исключает ограничений по темам, которых нельзя касаться, но данная область требует отдельного исследовательского внимания, выходящего за рамки спектра вопросов, затрагиваемых в данной работе. Напр., в индивидуалистических культурах, как уже отмечено выше, во многом коррелирующих с низко-контекстными, формальное общение ограничивает возможность вмешиваться в чужие проблемы без разрешения³⁵. В свою

³⁵ Alberts J.K., Nakayama Th.K., Martin J.N. Human communication in society. – 5th ed. – Hoboken, New Jersey: Pearson Education, 2019. – 450 p. – P. 178.

очередь, у собеседников с Ближнего Востока не рекомендуется спрашивать о супруге, позиции по арабо-израильским отношениям, состоянию здоровья³⁶.

Ранее был затронут также важный аспект, необходимый для налаживания взаимопонимания с сохранением вежливых рамок общения, это юмор. С точки зрения деловой коммуникации существуют первоочередные задачи, позволяющие подойти к основной цели, ради которой стороны и приступают к общению, и второстепенные, позволяющие обеспечить соответствующую эмоциональную атмосферу. Уже здесь заметно отличие в подходах, напр., к ведению переговоров, у представителей различных культур. В низко-контекстных культурах заметно стремление перейти непосредственно к сути дела, используя минимальные и самые необходимые условности для установления контакта. В высоко-контекстных культурах такая прямолинейность задевает собеседников, склонных к уклончивым выражениям своих намерений³⁷. Какое место в этом межкультурном коммуникативном пространстве занимает юмор?

Если понимать юмор как то, что вызывает улыбку смех, улыбку и благоприятное расположение духа, важно учитывать уместность острот для собеседников, особенно когда за столом переговоров оказываются представители Востока и Запада. Даже среди европейцев не все шутки воспринимаются одинаково³⁸, т. е. в соответствии с ожидаемой реакцией. Тем более, скабресный юмор, высмеивающий чьи-либо недостатки, в любом их понимании, неуместен в восточных культурах³⁹, в которых подход к остротам «в дружеской манере», «не роняя чужого достоинства»⁴⁰, становится

³⁶ Бер Е. Хорошие манеры и деловой этикет. Иллюстрированное руководство. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 168 с. – С. 82.

³⁷ Adler R.B., Rosenfeld L.B., Proctor R.F. Interplay: the process of interpersonal communication. – 14th ed. – NY: Oxford University Press, 2018. – 492 p. – P. 44.

³⁸ Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе: От столкновения к взаимопониманию / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Дело, 2001. – 448 с. – С. 44-46.

³⁹ Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе: От столкновения к взаимопониманию / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Дело, 2001. – 448 с. – С. 45.

⁴⁰ Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе: От столкновения к взаимопониманию / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Дело, 2001. – 448 с. – С. 45.

элементом тактичного решения вопросов создания конструктивного коммуникативного климата, в том числе для сохранения необходимых рамок вежливости в общении.

В рассмотренных выше аспектах вежливости можно выделить ряд главных аспектов, сформулированных в формате выводов:

- вежливость и речевой этикет могут представлять взаимодополняющими элементами деловой коммуникации, и, в то же, время речевой этикет может выступать автономно как общий формальный регулятор в любых формах общения;

- адекватное коммуникативной ситуации поведение складывается из различных уровней, в которых корректность, деликатность и приветливость образуют, с одной стороны, смысловые параметры вежливости, а с другой стороны работают как способы организации конструктивного социально-психологического климата в сфере профессионально-ориентированных взаимодействий;

- межкультурные деловые контакты включают вежливость как необходимую часть для обеспечения общего языка для сторон взаимодействия, при этом значимость этикетных формализмов воспринимается представителями различных культур неодинаково;

- во всех форматах деловой коммуникации важно сохранять приемлемую в официальных обстоятельствах вербальную и пространственно зафиксированную дистанцию при взаимодействии с партнерами для поддержания соответствующего обстоятельствам уровня взаимопонимания.

Использованные источники

1. Бер Е. Хорошие манеры и деловой этикет. Иллюстрированное руководство. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 168 с.
2. Гриффин Э. Коммуникация: теория и практики. Пер. с англ. А.А. Науменко. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2015. – 688 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 Т. – М.:

РИПОЛ классик, 2006.

4. Игнатьева Е.С. Международный деловой этикет на примере 22 стран мира. – М.: «Эксмо», 2020. – 333 с.

5. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / Пер. с фр. Е.В. Головиной. – М.: Этерна, 2012. – 752 с.

6. Культура и культурология: Словарь. – М.: Академический проект, 2020. – 928 с.

7. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе: От столкновения к взаимопониманию / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Дело, 2001. – 448 с.

8. Лю Ц. Причины китайско-российских межкультурных коммуникативных неудач с точки зрения теории вежливости // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: Сборник материалов VIII Международной научно-методической конференции. Воронеж, 2024. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2024. – 230с.

9. Маркова В.А. Коммуникативно-прагматическое поле вежливости: формирующий прагматический эффект и структура // Достижения вузовской науки 2021: сборник статей XVII Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2021. – Пенза: Издательство «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев В.Ю.), 2021. – 382 с.

10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 934 с.

11. Шевелева О.В. Манеры для карьеры. Современный деловой протокол и этикет. – М.: «Эксмо», 2020. – 253 с.

12. Шейнов В.П. Неотразимый комплимент. Безотказные приемы влияния. – СПб.: Издательство «Питер», 2015. – 110 с.

13. Adler R.B., Rosenfeld L.B., Proctor R.F. Interplay: the process of interpersonal communication. – 14th ed. – NY: Oxford University Press, 2018. – 492 p.

14. Alberts J.K., Nakayama Th.K., Martin J.N. Human communication in society. –

5th ed. – Hoboken, New Jersey: Pearson Education, 2019. – 450 p.

15. Locker K.O., Kienzler D.S. Business and administrative communication. – 10th ed. – NY: Mc-Graw Hill/Irwin, 2013. – 734 p.

*Волкова К.А.
студентка 3 курса
отделение «Лечебное дело»
Научный руководитель: Росницкая М.Н.
ГБПОУ "Сочинский медицинский колледж"
Россия, г.Сочи*

ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ: СТРАТЕГИИ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОХВАТА

Аннотация: В статье рассматривается влияние английского языка на фармацевтический маркетинг и его стратегическую роль для достижения международного охвата. В условиях глобализации и усиления конкуренции на фармацевтическом рынке компании сталкиваются с необходимостью адаптации своих маркетинговых стратегий к интернациональным стандартам и требованиям. Статья будет полезна как практикующим специалистам в области маркетинга, так и исследователям, интересующимся вопросами языковой политики в международной торговле.

Ключевые слова: фармацевтический маркетинг, английский язык, коммуникации, медицина.

*Volkova K.A.
3rd year student,
Department of "Medical business"
GBPOU "Sochi Medical College",
Russia, Sochi
Supervisor: Rosnitskaya M.N.*

THE INFLUENCE OF THE ENGLISH LANGUAGE ON PHARMACEUTICAL MARKETING: STRATEGIES FOR INTERNATIONAL COVERAGE

Abstract: The article examines the influence of the English language on pharmaceutical marketing and its strategic role in achieving international reach. In the context of globalization and increasing competition in the pharmaceutical market, companies face the need to adapt their marketing strategies to international standards and requirements. The article will be useful for both marketing practitioners and researchers interested in issues of language policy in international trade.

Keywords: pharmaceutical marketing, English, communication, medicine.

Фармацевтическая отрасль набирает темпы роста, становясь все более глобальной сферой деятельности, а английский выступает международным

языком научных исследований, маркетинга, логистики, продаж и управления производством. Умение общаться на английском языке на деловые темы является бесценным навыком для специалистов любого уровня, работающих в данной отрасли в России.

Также в современном обществе одним из наиболее стратегически важных показателей качества жизни человека выступает уровень его здоровья, функцию обеспечения которого несет система здравоохранения страны. При этом в условиях нынешней стратегии медицинской науки значительная роль принадлежит фармацевтической отрасли как общественно значимому сектору экономики.

Фармацевтический рынок является одним из наиболее быстро развивающихся рынков во всем мире. Характерными его чертами являются высокий уровень конкуренции, острая борьба за потребителя и специфические технологии продвижения[6]. Основы современного фармацевтического маркетинга были заложены в первой половине 1940-х годов, когда технологический прогресс был таким стремительным, что маркетинг едва успевал ему соответствовать. Даже во время Великой депрессии продажи лекарств в США оставались на довольно высоком уровне, а экономический подъем после Второй мировой войны и необычайно успешная исследовательская деятельность вызвали беспрецедентное процветание отрасли. Соответственно, росла конкуренция, и для успешных продаж уже было недостаточно только иметь хороший продукт. Важным средством конкуренции наряду с качеством стала цена[1].

Главной особенностью, отличающей фармацевтическую промышленность от производства товаров повседневного спроса, стало то, что решение о приобретении продукта принимает не только потребитель, но и врач или сотрудник аптеки. Поэтому здесь важной частью продвижения продукции стала работа со специалистами, влияющими на потребителей.

Кроме того, данный товар при очевидной пользе может нанести и вред

при неправильном употреблении, к тому же обычно имеет побочные эффекты. Поэтому в данном случае даже розничные продавцы должны быть дипломированными специалистами, а производство законодательно ограничено и отрегулировано.

Основной ролью фармацевтического маркетинга (как части маркетинга здравоохранения) является построение отношений между клиентами (первичными – потребителями, и вторичными – аптеками, госпитальным сектором, дистрибьюцией) и компанией-производителем. Продуктом здесь являются лекарственные средства в различных формах, биологически активные добавки, парафармацевтика и космецевтика, медицинские инструменты, перевязочные материалы и др., использование которых зависит не только от потребности потребителя, но и от квалификации врача или фармацевта.

Специфика маркетинга на фармацевтическом рынке исследовалась А.Ю. Юдановым [2]. Он отличается рядом особенностей:

- усложнение классической формулы купли – продажи, потому что в систему покупатель (пациент) – продавец (провизор) включается третье звено – врач, который в равной, а иногда и большей степени является генератором спроса (хотя не всегда может проконтролировать покупку);

- наличие в системе продвижения дополнительного звена – квалифицированного медицинского представителя, влияющего на врача или фармацевта;

- товар зачастую рассматривается как необходимая, а не желаемая покупка, следовательно, импульсные покупки играют небольшую роль;

- недостаточная осведомлённость покупателя о продукте;

- превалирующая роль соображений эффективности и безопасности по сравнению с ценой;

- недопустимость появления на рынке товаров низкого качества;

- связь с регулирующей ролью внешней среды, которую играет

государственное учреждение в системе лекарственного обеспечения (требования к качеству, регистрация, номенклатура, ценообразование, условия отпуска) [3].

В связи с вышеизложенным, ключевыми элементом методологии обучения специалистов фармацевтической отрасли являются понимание и усвоение терминологии, связанной с поиском и разработкой лекарственных препаратов, умение обсуждать на английском перспективы, риски и стоимость инноваций, а также анализ конкуренции на фармацевтическом рынке. Важно не только теоретическое элементов языка для грамотного описания процессов, связанных с надлежащим ведением фармацевтической деятельности, включая контроль качества и нормативную документацию.

Важное значение имеет и формирование словарного запаса, связанного с подачей заявок на патенты и охраной патентных прав, что необходимо для успешной навигации в сложных правовых вопросах. Специалисты должны также уметь обсуждать доклинические и клинические испытания, а также темы, связанные со слияниями, поглощениями и совместным маркетингом, что помогает избежать конфликтов и оптимизировать бизнес-процессы.

Эффективная коммуникация является важным навыком, который включает умение информировать коллег о сложных вопросах, самопрезентацию, ведение встреч и переговоров, а также подготовку и проведение презентаций. Эти навыки дополняют процесс работы в фармацевтической отрасли, позволяя установить четкое представление о составляющих бизнеса и перспективах его развития.

Не менее важным являются мировые тенденции, влияющие на фармацевтический рынок. К ним относится влияние новой модели цепи поставок «напрямую в аптеки», тенденция в производстве биотехнологических продуктов, необходимость регулирования онлайн-торговли и изменение роли правительства, стремящегося сбалансировать цены и затраты на инновации. Эти аспекты требуют от специалистов

постоянного обновления своих знаний и адаптации к быстро меняющимся условиям[4].

Взаимодействие с российскими и зарубежными коллегами требует обсуждения стандартных практик сотрудничества и навыков эффективного взаимодействия. Специалисты должны уметь выражать свои мнения, находить решения для устранения противоречий и предоставлять информацию о побочных эффектах.

Развитие языковых знаний включает в себя грамматическую базу, освоение видо-временных форм, словарный запас, повышение беглости речи, написание электронных писем и формирование навыков понимания звучащей речи. Эти элементы образуют основу, необходимую для успешной деятельности в фармацевтическом секторе, оптимизируя взаимодействие и повышая эффективность процессов на международной арене

Влияние английского языка на фармацевтический маркетинг имеет далеко идущие последствия для международного охвата. Локализация контента, открытые коммуникации, обучение сотрудников, современные технологии и регулярные исследования - это ключевые стратегии, которые должны использовать компании для успешного продвижения на глобальном уровне. Поддерживая высокие стандарты и обращая внимание на языковые нюансы, фармацевтические компании могут добиться значительных успехов на международной арене[5].

Использованные источники:

1. Макарова А.В. Использование английского языка в фармацевтическом маркетинге на международной арене. М.: «ФармаПресс», 2022.
2. Симоненко И.И. Навыки делового общения в фармацевтической отрасли: методология и практика. СПб.: «Наука и практика», 2023.
3. Петрова Е.С. Английский язык как инструмент для развития глобальных фармацевтических стратегий. Екатеринбург: «Уральский университет», 2021.

4. Кузнецова Н.А. Мировые тенденции и место английского языка в фармацевтическом бизнесе. Казань: «Татарский университет», 2022.
5. Смирнов К.А. Языковые навыки в сфере научных исследований: фармацевтика и биотехнологии. М.: «Гриф», 2020.
6. Жукова М.В. Эффективная коммуникация в международной фармацевтической среде. Новосибирск: «Сибирское издательство», 2023.

*Гаспарян А.В.
доцент
Ростовский государственный университет (РИНХ)
Россия, г. Ростов-на-Дону
Дмитриева А.А.
специалист по учебно-методической работе
Государственный университет управления
Россия, г. Москва*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И РАЗВИТИЕ РЫНКА ГЕННОМОДИФИЦИРОВАННЫХ ПРОДУКТОВ

Аннотация:

Статья посвящена вопросам актуализации развития рынка генномодифицированных продуктов и экологических факторов, вызывающих опасения и провоцирующих риски в восприятии, связанные с их использованием. Предполагается активизация усилий по аналитической и просветительской работе, а также снижение экологических рисков и разъяснение этих обстоятельств вовлеченным членам социума, что позволит развивать рынок подобных продуктов.

Ключевые слова: рынок, генномодифицированные продукты, риски, перспективы

*Gasparyan A.V.
Associate Professor
Rostov State University (RINH)
Russia, Rostov-on-Don
Dmitrieva A.A.
specialist in educational and methodical work
State University of Management
Russia, Moscow*

ENVIRONMENTAL ASPECTS AND THE DEVELOPMENT OF THE GENETICALLY MODIFIED PRODUCTS MARKET

Annotation:

The article is devoted to the issues of updating the development of the market of genetically modified products and environmental factors that cause concern and provoke risks in perception associated with their use. It is expected that efforts will be intensified in analytical and educational work, as well as reducing environmental risks and clarifying these circumstances to the involved members of society, which will allow the market for such products to develop.

Keywords: market, genetically modified products, risks, prospects

Интерес к генномодифицированным продуктам продиктован тем, что они позволяют выработать решения по преодолению проявившихся продовольственных проблем. Это опосредует интерес к ним, их производству и реализации со стороны товаропроизводителей. Однако экологические аспекты зачастую выступают в качестве сдерживающего фактора в этом направлении. Вопрос об экологическом влиянии генетически модифицированных организмов (ГМО) остаётся одним из самых противоречивых аспектов их применения. Сторонники технологии подчёркивают её потенциал для уменьшения экологического следа сельского хозяйства, тогда как критики указывают на угрозы биоразнообразию и непредсказуемые последствия для экосистем.

Снижение использования химических препаратов при выращивании ГМО-культур, таких как соя, кукуруза и хлопок, является одним из ключевых экологических преимуществ. Филлипс и Коркиндейл подчёркивают, что благодаря устойчивости к вредителям и гербицидам фермеры могут существенно сократить применение пестицидов, что приводит к снижению загрязнения почвы и водоёмов⁴¹. Это особенно важно для регионов с интенсивным сельским хозяйством, где избыточное использование химикатов стало серьёзной экологической проблемой.

Однако распространение генов ГМО на дикие виды растений остаётся одной из самых серьёзных угроз. Как отмечают ряд российских исследователей, существует вероятность, что такие гены могут проникать в природные экосистемы, изменяя их баланс⁴². Это может привести к вытеснению местных видов и снижению биоразнообразия. Например, устойчивость к гербицидам, переданная диким растениям, может сделать их

⁴¹ Peter WB Phillips, David Reay Corkindale Marketing GM foods: The way forward / Article in AgBioForum · January 2002 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/242553866> (дата обращения: 17.03.2025)

⁴² Стожко Дмитрий Константинович, Стожко Константин Петрович Продовольственная культура в России: социально-философский контент // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. №3 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodovolstvennaya-kultura-v-rossii-sotsialno-filosofskiy-kontent> (дата обращения: 21.12.2024).

«суперсорняками», которые будет сложно контролировать традиционными методами. Дополнительной экологической проблемой является монокультура, часто сопровождающая использование ГМО. Фермеры, стремящиеся максимизировать прибыль, склонны высаживать лишь самые рентабельные культуры, что приводит к истощению почв и утрате локальных сортов растений. Это делает сельскохозяйственные системы более уязвимыми к заболеваниям и изменениям климата. Эксперты рекомендуют внедрять многоцелевые стратегии геномной селекции, которые могли бы сохранить генетическое разнообразие культур.⁴³

Интересно, что редактирование генов может предложить решения для адаптации к изменению климата. Например, создание теплостойких сортов растений позволяет увеличивать урожайность в условиях глобального потепления. Однако такие технологии требуют строгого регулирования и контроля, чтобы минимизировать риск негативных последствий для экосистем. Энергетический аспект также играет важную роль в экологической оценке ГМО. Сокращение потребности в обработке химикатами и упрощение производственных процессов позволяет уменьшить углеродный след сельского хозяйства. Это делает генетически модифицированные культуры важным элементом устойчивого развития.

Законодательство и регулирование играют ключевую роль в управлении экологическими рисками, связанными с ГМО. В странах с развитой системой контроля, таких как США, использование ГМО-культур сопровождается строгим мониторингом их влияния на окружающую среду. В то же время в развивающихся странах, где таких систем может не быть, риски для экосистем значительно возрастают. Это подчёркивает необходимость международного сотрудничества и обмена опытом в области регулирования и оценки экологических последствий.

⁴³ Gaining acceptance of novel plant breeding technologies / Anders S. [et al.] // Trends in plant science. – 2021. – Vol. 26, N 6. – P. 575–587.

В заключение целесообразно отметить, что экологическое влияние ГМО включает как значительные преимущества, такие как снижение использования химических препаратов и адаптация к изменению климата, так и серьёзные риски, включая утрату биоразнообразия и распространение генов на дикие растения. Для того чтобы ГМО стали эффективным инструментом устойчивого развития, необходимо разработать комплексные стратегии их применения, включающие мониторинг, научные исследования и внедрение лучших практик в области регулирования. В свою очередь, снижение экологических рисков и разъяснение этих обстоятельств вовлеченным членам социума (со стороны спроса) позволит развивать рынок подобных продуктов.

Использованные источники:

1. Стожко Дмитрий Константинович, Стожко Константин Петрович Продовольственная культура в России: социально-философский контент // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. №3 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodovolstvennaya-kultura-v-rossii-sotsialno-filosofskiy-kontent> (дата обращения: 21.12.2024).
3. Gaining acceptance of novel plant breeding technologies / Anders S. [et al.] // Trends in plant science. – 2021. – Vol. 26, N 6. – P. 575–587.
4. Peter WB Phillips, David Reay Corkindale Marketing GM foods: The way forward / Article in AgBioForum · January 2002 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/242553866> (дата обращения: 17.03.2025)

*Гаспарян А.В.
доцент
Ростовский государственный университет (РИНХ)
Россия, г. Ростов-на-Дону*

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ГЕННОМОДИФИЦИРОВАННЫХ КУЛЬТУР: МАРКЕТИНГОВЫЙ АСПЕКТ

Аннотация:

Статья посвящена вопросам исследования объективно проявившейся востребованности генномодифицированных культур в современном социуме. Также освещаются риски и преимущества, связанные с их культивированием. Предлагаются необходимые к реализации направления маркетинговой деятельности для упорядочивания работы сельхозтоваропроизводителей и формирования потребительского спроса.

Ключевые слова: спрос, риски, генномодифицированные культуры, сельхозтоваропроизводители, маркетинг

*Gasparyan A.V.
Associate Professor
Rostov State University (RINH)
Russia, Rostov-on-Don*

THE DEMAND FOR GENETICALLY MODIFIED CROPS: A MARKETING ASPECT

Annotation:

The article is devoted to the research of the objectively manifested demand for genetically modified crops in modern society. The risks and benefits associated with their cultivation are also highlighted. The directions of marketing activities necessary for the implementation are proposed to streamline the work of agricultural producers and generate consumer demand.

Keywords: demand, risks, genetically modified crops, agricultural producers, marketing

Из-за существующих продовольственных проблем в планетарном масштабе вопрос востребованности генетически модифицированных культур представляется актуальным. Маркетинговый, а именно рыночный аспект — реально существующего спроса и имеющихся преимуществ также вызывает

значительный интерес. Так, генетически модифицированные культуры уже занимают более 12% пахотных земель мира, включая такие ключевые культуры, как соя, кукуруза, рапс и хлопок. Эти растения отличаются устойчивостью к гербицидам и насекомым, что позволяет сократить использование химических препаратов, минимизируя вред для окружающей среды и повышая экономическую эффективность сельскохозяйственного производства. Урожайность ГМО-кукурузы, например, может быть на 5–24% выше по сравнению с традиционными сортами данной сельскохозяйственной культуры⁴⁴. Подобная продуктивность позволяет снизить затраты и увеличить доход фермеров, делая ГМО важным элементом современной агротехнологии.

Тем не менее, для популяризации таких решений в сельском хозяйстве нужна планомерная маркетинговая коммуникационная работа с партнерами агарных компаний и потребителями. Кроме того, у таких технологий есть и свои риски. Например, ГМО-хлопок и ГМО-рис требуют значительно больше воды, чем их традиционные аналоги. Это ставит фермеров в неблагоприятное положение в регионах с частыми засухами. Например, индийский опыт показывает, что чрезмерный оптимизм по поводу «волшебных семян» без должной оценки климатических условий привёл к серьёзным экономическим последствиям для фермеров, включая долговую зависимость.⁴⁵ Климатические изменения, усиливающие засухи и экстремальные погодные явления, только усугубляют эти проблемы.

Экономические выгоды от ГМО не всегда сопровождаются биологическими преимуществами. Улучшения, предлагаемые этими

⁴⁴ Boulton G. Science as a global public good. Position paper of the International Science Council. – 2021. – 17 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/355165522_Science_as_a_Global_Public_Good_Position_Paper_of_the_International_Science_Council_October_2021 (accessed : 01.05.22)

⁴⁵ Boulton G. Science as a global public good. Position paper of the International Science Council. – 2021. – 17 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/355165522_Science_as_a_Global_Public_Good_Position_Paper_of_the_International_Science_Council_October_2021 (accessed : 01.05.22)

технологиями, часто связаны с упрощением производственных процессов (например, уменьшением необходимости ручной прополки) и снижением затрат на химические вещества, а не с повышением общей урожайности. Это опосредует объективные сложности между агрономической и экономической продуктивностью.⁴⁶

Получается, что использование ГМО в сельском хозяйстве открывает огромные возможности для повышения производительности и устойчивости, но требует ответственного подхода к управлению рисками. Это включает в себя адаптацию технологий к климатическим условиям, развитие стратегий по сохранению генетического разнообразия и обеспечение прозрачности в отношении экологических и экономических последствий их применения. Считаем, что в этом вопросе необходимо реализовывать работу с партнерами сельскохозяйственных организаций и потенциальными потребителями, разъясняя существующие риски и делая акценты на выгодах. Сами сельхозтоваропроизводители также должны концентрировать усилия на маркетинге в части выбора верной маркетинговой стратегии и ее аудита для того, чтобы быть успешными на развиваемом рынке.

Также отметим, что экономическое значение генетически модифицированных организмов выходит за пределы сельскохозяйственного производства. Эти технологии предоставляют значительные преимущества, включая снижение затрат на химические препараты, повышение урожайности и возможность адаптации к сложным климатическим условиям. Так, Филлипс и Коркиндейл подчёркивают, что экономическая эффективность ГМО особенно заметна в странах с ограниченными ресурсами⁴⁷. Например, фермеры, использующие генетически модифицированные культуры, могут

⁴⁶ Gaining acceptance of novel plant breeding technologies / Anders S. [et al.] // Trends in plant science. – 2021. – Vol. 26, N 6. – P. 575–587.

⁴⁷ Peter WB Phillips, David Reay Corkindale Marketing GM foods: The way forward / Article in AgBioForum · January 2002 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/242553866> (дата обращения: 17.03.2025)

сократить расходы на пестициды и гербициды, что увеличивает их доходность.

Но существует проблема общественного недоверия к ГМО и ее необходимо преодолевать с помощью использования направленных маркетинговых коммуникаций. Производители часто сталкиваются с необходимостью преодолевать общественное недоверие и доказывать безопасность своих продуктов и это предполагает расходы. Обязательная маркировка продуктов с содержанием ГМО выше 0,9% в России ведет к дополнительным финансовым трудностям для производителей.⁴⁸

Кроме того, ГМО-технологии вызывают беспокойство в контексте их доступности для различных социальных групп. Рост стоимости сертификации и проверки безопасности приводит к увеличению конечной стоимости продуктов. Это делает их менее доступными для людей с низкими доходами. В странах с высоким уровнем жизни наблюдается тренд на поддержку органических продуктов, что также увеличивает сопротивление внедрению ГМО. Данный фактор также предполагает маркетинговую работу, а именно, анализ рынка, существующих сегментов и коммуникационные активности, ориентированные на различные потребительские группы. Это опосредует разработку маркетинговых стратегий, предполагающих выведение на рынок ГМО товаров в разных ценовых группах.

Соответственно, мы полагаем, что, из-за объективно существующего запроса на производство продовольствия в расширенных объемах, так как в глобальном масштабе ощущается его нехватка, ГМО продукты будут развиваться и они обладают рядом преимуществ. Однако, есть риски и ограничения, связанные с ними. Во многом, это слабая осведомленность, опасения потребителей и незнание рынка (его сегментов) и возможных партнеров со стороны сельхозтоваропроизводителей. Это актуализирует

⁴⁸ Пястолов Сергей Михайлович К вопросу о доверии науке?: ГМО в оптике конфликта онтологий // Научно-исследовательские исследования. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-doverii-nauke-gmo-v-optike-konflikta-ontologiy> (дата обращения: 21.12.2024).

запрос на маркетинг в части разработки специальных маркетинговых стратегий и их аудита, исследования рынков и использования маркетинговых коммуникаций для формирования общественного мнения и спроса на данные продукты со стороны потребителей.

Использованные источники:

1. Пястолов Сергей Михайлович К вопросу о доверии науке?: ГМО в оптике конфликта онтологий // Научно-исследовательские исследования. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-doverii-nauke-gmo-v-optike-konflikta-ontologiy> (дата обращения: 21.12.2024).
2. Boulton G. Science as a global public good. Position paper of the International Science Council. – 2021. – 17 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/355165522_Science_as_a_Global_Public_Good_Position_Paper_of_the_International_Science_Council_October_2021 (accessed : 01.05.22)
3. Gaining acceptance of novel plant breeding technologies / Anders S. [et al.] // Trends in plant science. – 2021. – Vol. 26, N 6. – P. 575–587.
4. Peter WB Phillips, David Reay Corkindale Marketing GM foods: The way forward / Article in AgBioForum · January 2002 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/242553866> (дата обращения: 17.03.2025)

Сорокина О.Г., к.э.н.

доцент

Кавток А.В.

студент

Иванова В.С.

студент

*Ростовский государственный университет путей сообщений
Россия, г. Ростов-на-Дону*

ПОДБОР ПЕРСОНАЛА КАК ОСНОВНОЙ БИЗНЕС-ПРОЦЕСС КАДРОВОГО АГЕНТСТВА

Аннотация: В современных рыночных условиях обеспечение конкурентоспособности любой организаций, повышение имиджа организаций, захват новых рынков и увеличение денежного потока возможно только за счет создания необходимых предпосылок для последующего развития на основе создания, внедрения и распространения технических, технологических и организационных нововведений. Необходимость инновационной деятельности, способность к нововведениям выступает как законное требование времени и условие эффективного подбора персонала организации.

Ключевые слова: подбор персонала, кадровые агентства, нетрадиционные методы, сотрудники, рентабельность, обучение.

Sorokina O. G.

docent IN RSTU

Kavtok A.V.

student

Ivanova V.S.

student

*Rostov state University of railway engineering
Russia, Rostov-on-don*

RECRUITMENT AS THE MAIN BUSINESS PROCESS OF A RECRUITMENT AGENCY

Abstract: In modern market conditions, ensuring the competitiveness of any organization, enhancing the image of organizations, capturing new markets and

increasing cash flow is possible only by creating the necessary prerequisites for further development based on the creation, implementation and dissemination of technical, technological and organizational innovations. The need for innovation, the ability to innovate, acts as a legitimate requirement of time and a condition for effective recruitment of the organization's personnel.

Key words: подбор персонала, кадровые агентства, нетрадиционные методы, сотрудники, рентабельность, обучение.

Кадровые агентства могут осуществлять деятельность по подбору, как высшего руководства, так и низкоквалифицированных работников. При этом часть рекрутинговых агентств может иметь узкую специальность и оказывать услуги в зависимости от профессиональной, отраслевой, квалификационной принадлежности. Важно отметить, что кадровые агентства являются коммерческими организациями. А значит, их деятельность в первую очередь предполагает получение прибыли. Как правило, гонорар кадровых агентств привязан к размеру годового фонда оплаты труда (ГФОТ) нанимаемого работника. Наиболее распространенная величина гонорара за подбор специалистов и руководителей – 12-14% от ГФОТ [3].

При этом стоимость услуг зависит также от множества факторов:

- сложность вакансии и специфичность требований, предъявляемых сотруднику;
- квалификация и профессиональный уровень рекрутеров;
- известность, опыт и бренд агентства;
- требования к тщательности и достоверности получаемых данных;
- оперативность и скорость проведения проверки получаемых данных.

Рекрутинговые агентства решают две комплексные задачи (рисунок 1).

Подбор персонала – основной бизнес-процесс кадрового агентства, т. е. тот процесс, который составляет суть его бизнеса и приносит доход [2]. К нему относится последовательность действий, которая направлена на закрытие

актуальных вакансий клиентов.

Вспомогательные бизнес-процессы предназначены для обеспечения эффективного выполнения основных бизнес-процессов. Для осуществления подбора необходимы сотрудники – рекрутеры. Соответственно, второй бизнес-процесс агентства – управление персоналом. К нему относятся планирование кадров, развитие и мотивация персонала, организация работы и условий труда.

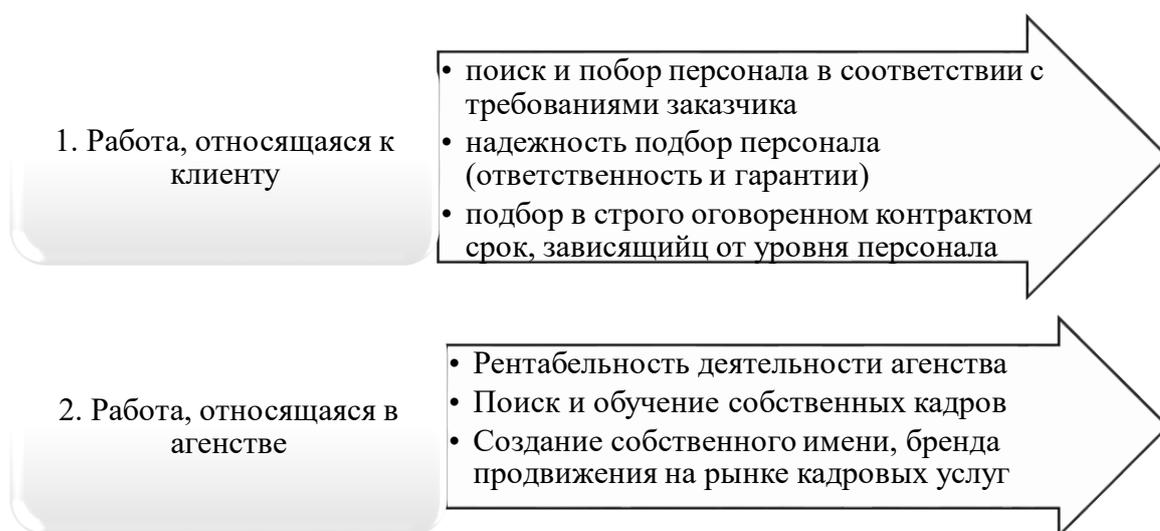

Рисунок 1 – Основные задачи кадрового агентства

Основной бизнес-процесс (подбор персонала) не будет осуществляться без потока заявок работодателей. Продвижение агентства является еще одним вспомогательным бизнес-процессом и подразумевает под собой работу по обеспечению организации потоком клиентов через реализацию маркетинговой стратегии.

И наконец, за обеспечение регулярной и безопасной работы сотрудников отвечает административно-хозяйственная деятельность. К ней следует отнести: обеспечение офиса всем необходимым инвентарем, мебелью, техникой и связью; организационную работу; обеспечение доступа к ресурсам и базам данных [3].

На сегодняшний день меняется рынок труда и методы подбора

персонала. В результате этого традиционные методы становятся не такими работающими, как раньше, поэтому начинают использовать и нетрадиционные.

К ним относят стрессовое (шоковое) интервью. Для этого кандидата вводят в стрессовую ситуацию, поскольку она позволяет сделать вывод о нестандартности подходов кандидата и его стрессоустойчивости, возможности работать в стрессовом режиме. Обычно могут задавать неприличные или откровенные вопросы, давать сверхсложное задание в условиях сжатого временного промежутка, заставляя долго ждать собеседования.

Brainteaser-интервью. Данный вид интервью отличается тем, что при собеседовании кандидатов им предлагают какой-либо сложный вопрос для решения. В процессе интервью можно проанализировать мышление кандидата, его способность решать нестандартные задачи, а также креативность и возможность работать в режиме многозадачности. Метод применяют при подборе соискателей, которые претендуют на вакантные места с высокой долей ответственности и умственной нагрузкой, например, аудитор, консультант и другое.

Метод физиогномики. Многие авторы говорят о том, что данный метод является скорее вспомогательным, чем основным при подборе персонала. Кроме того, лицу при его проведении необходимо быть уверенным в том, что имеется достаточная подготовка и соответствующая база знаний, чтобы действительно получить полную информацию. В противном случае этот метод может иметь определённые недостатки, которые выражаются в низком уровне информативности и соответствующей неполной оценки.

Анализ профиля соискателя в социальных сетях [4]. В данном случае специалисты отдела подбора персонала изучают социальные сети соискателей, особенно такие пункты, как хобби, вредные привычки, а также те ценности, которые пропагандирует потенциальный соискатель. Это также является

скорее вспомогательным, чем основным методом, поскольку не все соискатели активно ведут социальные сети и публикуют там информацию о себе.

Исходя из вышеперечисленного видно, что существует большое количество методов, которые используются в разных компаниях в процессе подбора и оценки персонала. Наиболее популярный и наиболее эффективный подход на данный момент – это интеграция и введение адаптируемых систем, так как это решение помогает сохранить преимущество «боксовых» и саморазвитых решений с нуля, но избавиться от их дефектов.

Использованные источники:

1. Воронина, А. В. Методы и инструменты оценки эффективности деятельности службы управления персоналом / А. В. Воронина, А. В. Клопова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2024. – № 1(164). – С. 42-45.
2. Гомелева, Е. В. Формирование и развитие человеческого капитала как фактор обеспечения экономической безопасности предприятия / Е. В. Гомелева, Л. Г. Риполь-Сарагоси // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2023. – № 1(152). – С. 7-10.
3. Полякова, И.А. Компетентностная модель оценки как инструмент подбора персонала / И. А. Полякова, О. Г. Сорокина, Т. А. Федоненков // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 3(62). – С. 870-872.
4. Полякова, И.А. Особенности использования внутренних источников для подбора персонала / И. А. Полякова // Транспорт: наука, образование, производство (Транспорт-2021) : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 19–21 апреля 2021 года. Том 3. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2021. – С. 222-225.

5. Сорокина, О.Г. Эндогенные параметры решения проблемы укомплектования персоналом / О. Г. Сорокина, М. М. Сулейманлы // Наука и общество: материалы VI международной научной конференции : Материалы VI международной научной конференции, Ростов-на-Дону, 08 февраля 2024 года. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2024. – С. 250-256.

*Сорокина О.Г., к.э.н.
доцент*

*Лохмотов Д.А.
студент*

*Ростовский государственный университет путей сообщений
Россия, г. Ростов-на-Дону*

РОЛЬ И СТРУКТУРА ОРГАНИЗАЦИОННОГО КАПИТАЛА КОМПАНИИ

Аннотация: В условиях цифровой трансформации роль организационного капитала компании приобретает важную необходимость в развитии бизнес-процессов и ключевых компетенций сотрудников, что является определяющим для будущего развития и инноваций и технологий. Обладание стратегически развитым организационным капиталом позволяет компании достигать выдающихся результатов в производственной эффективности и вести стабильную коммерческую деятельность. Наличие в компании развитого организационного капитала увеличивает ее способность привлекать краткосрочные корпоративные торговые кредиты.

Ключевые слова: организационный капитал, ценности, инвестиции, компания, привлекательность, финансовые активы, торговые кредиты.

*Sorokina O. G.
docent*

*Lokhmotov D.A.
students*

*Rostov state University of railway engineering
Russia, Rostov-on-don*

THE ROLE AND STRUCTURE OF THE COMPANY'S ORGANIZATIONAL CAPITAL

Abstract: In the context of digital transformation, the role of the company's organizational capital becomes important in the development of business processes and key competencies of employees, which is crucial for future development and innovation and technology. Having a strategically developed organizational capital allows the company to achieve outstanding results in production efficiency and conduct stable commercial activities. The company's developed organizational capital increases its ability to attract short-term corporate trade loans.

Key words: организационный капитал, ценности, инвестиции, компания, привлекательность, финансовые активы, торговые кредиты.

Организационный капитал является важным элементом в производственном процессе, играет ключевую роль в создании ценности для компании и увеличении его привлекательности для инвесторов. Как фундаментальный нематериальный ресурс, организационный капитал необходим для развития компании и ее привлекательности для инвестиций. Этот актив объединяет знания и навыки, интегрированные в бизнес. Он не только способствует повышению производительности ресурсов и эффективности работы, но и укрепляет конкурентоспособность и устойчивость по ресурсам, влияя на соотношение между нематериальными и финансовыми активами.

Наличие в компании развитого организационного капитала увеличивает ее способность привлекать краткосрочные корпоративные торговые кредиты. Одновременно, необходимо принимать во внимание риски, ассоциированные с оттоком ключевого персонала и потерей им аккумулированной экспертизы, а также агентские дилеммы, проистекающие при аллокации средств в нематериальные статьи активов.

Коммерческий кредит представляет собой способ финансирования от поставщиков к покупателям, который дает возможность отложить выплаты, тем самым уменьшая краткосрочные финансовые нагрузки [1]. Важность торгового кредита как элемента финансовой стратегии и влияние его на доходность акций неоспорима. Анализ привлекательности такого кредитования и понимание его роли являются ключевыми. Поставщики, имеющие информационные преимущества по сравнению с банками относительно финансового состояния клиентов, склонны использовать торговый кредит для укрепления долгосрочных отношений как с более стабильными компаниями, так и с теми, кто переживает временные финансовые затруднения.

В то же время, производители выражают обеспокоенность относительно долгосрочной жизнеспособности своих деловых партнеров, так как

неисполнение фирмами-клиентами условий торгового кредитования может спровоцировать срывы в ликвидности и потенциальные финансовые потрясения, затрагивающие всю цепочку поставок. В современной экономике необходимо особо выделить роль нематериальных активов, их влияние на формирование торговых кредитных отношений, что становится весьма значимым на фоне усиливающегося превосходства нематериальных ресурсов над материальными.

Исследуя эту тематику, особое внимание следует уделить исследованию капитальной эффективности в контексте деятельности компаний. Аргументированный анализ показывает, что наличие значительного капитала у компании способствует активизации поставщиками торгового кредитования по ряду ключевых причин. Прежде всего, обладание стратегически развитым организационным капиталом позволяет предприятию достигать выдающихся результатов в производственной эффективности и вести стабильную коммерческую деятельность.

Организационный капитал отражает уникальную сущность компании, включая характерные черты бизнес-процессов и ключевые компетенции сотрудников, что является определяющим для будущего развития и инноваций. В такой обстановке персонал стимулируется к активному участию в долгосрочных проектах развития, что способствует укреплению позиций компании на рынке на продолжительный период.

Компании, имеющие в своем распоряжении развитый корпоративный капитал, обычно с большей вероятностью обретают возможность получения торговых кредитов от своих поставщиков [4]. Это обусловлено их эффективными операционными процессами, записными способностями в управлении, и, что наиболее важно, перспективы дальнейшего роста, делающие их привлекательными для инвестиций со стороны поставщиков посредством коммерческих кредитов. Но стоит заметить, что с агентской точки зрения данные операции носят в себе риски, особенно актуальные для

российского рынка.

Корпоративный капитал представляет из себя ключевое достояние компании, лежащее в основе формирования её конкурентноспособных преимуществ, которые, однако, могут быть подвергнуты имитации [2]. В этой связи, компании, инвестирующие в организационный капитал, рискуют потерять свои уникальные преимущества, что может вести к утрате вложений и накопленного опыта. Данный аспект является особо рискованным для предприятий с значительным объемом организационного капитала, поскольку угроза потери уникальности может привести к нестабильности бизнес-результатов и снижению потенциальной прибыли от будущих инвестиций.

Особенности организационного капитала, такие как его гибкость и способность к адаптации в условиях нестабильного рынка, напрямую влияют на один из ключевых параметров оценки компании – это её ликвидационную стоимость. В этом контексте применение организационного капитала в качестве гарантии при привлечении внешних финансов столкнется с трудностями. Оценка акционерами потенциала компании сопряжена с определенными сложностями, что указывает на необходимость принятия взвешенных инвестиционных решений, исходя из собственных интересов предприятия. Компании с сильным организационным капиталом могут сталкиваться с финансовыми ограничениями и значительными агентскими проблемами. При оценке ситуации поставщиками учитывается риск, который представляет собой потеря компанией своих уникальных преимуществ [3]. Это серьезно повлияет на вероятность предоставления торгового кредита таким компаниям. Существует сильная и стойкая обратная связь между уровнем организационного капитала и использованием торговых кредитов.

Эта взаимосвязь держится без изменений и не подвержена влиянию специфики отраслевых групп, зачастую не завися от технологического уровня развития компании – это будь то низкий или высокий. Аналитические исследования показывают, что увеличение организационного капитала на

один стандартный показатель приводит к снижению использования торговых кредитов на 6,73-15,67%, в зависимости от особенностей организационного капитала.

Негативные отзывы оказывают сильное воздействие, особенно если сотрудники обладают большими возможностями для профессионального роста за рамками текущего места работы, либо если компании действуют на гибких рынках труда с минимальными барьерами. Высокая мобильность работников и наличие у них широких внешних возможностей повышает затраты на удержание акционеров за счет увеличения риска потери ключевых сотрудников, которые являются неотъемлемой частью организационного капитала компании. Создание гибкой организационной структуры и разработка стратегий, препятствующих рискам, значительно повышают привлекательность предприятия для инвестиций.

Таким образом, усилия по повышению привлекательности компании для инвесторов ведут не только к привлечению капитала на рынке ценных бумаг, но и к формированию системы конкурентоспособности. В неё входят уникальность управленческих подходов, эффективность структуры персонала и ценность интеллектуальных активов. Все перечисленные аспекты являются фундаментом для конкурентоспособности и играют ключевую роль в налаживании долгосрочных выгодных деловых связей с поставщиками и потребителями.

Использованные источники:

1. Канаки, В. В. Экономическая безопасность хозяйствующего субъекта как императив его развития / В. В. Канаки, Е. Е. Оксенюк // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 5(64). – С. 204-207.
2. Киященко, Т.А. Стратегия и управление изменениями в компании / Т.А. Киященко // Транспорт: наука, образование, производство : Материалы Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 24–26

апреля 2024 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2024. – С. 279-282.

3. Полякова, И. А. Стратегическое планирование в условиях перехода к экономике неопределенности / И. А. Полякова, Т. А. Высоцкая, Ю. А. Седых // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 2(52). – С. 526-529.

4. Теоретико-организационные и правовые основы налогообложения / А. В. Воронина, М. В. Шевченко, О. Г. Сорокина, Ю. А. Кузьменко. – Ростов-на-Дону : ИП Шевченко М. В., 2024. – 132 с. – ISBN 978-5-6043937-9-6.

*Сучков Е.П.
студент магистратуры
Дальневосточный институт управления
– филиал РАНХиГС
Россия, Хабаровск*

**АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ, ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И
КЛЮЧЕВЫЕ РИСКООБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ В СФЕРЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

Аннотация: На основании самостоятельно проведенного исследования автором статьи выявлены, систематизированы и представлены наиболее характерные для властей отечественных регионов вызовы, угрозы и рискообразующие факторы в сфере обеспечения информационной безопасности их деятельности. В заключение статьи формулируются потенциально возможные положительные изменения, способные к наступлению ввиду учёта в своей деятельности результатов представленного исследования со стороны руководства исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации в части укрепления их информационной безопасности.

Ключевые слова: государственное управление, исполнительные органы власти, региональное управление, информационная безопасность, защита информации.

*Suchkov E.
Master's student
Far Eastern Institute of Management, branch of RANEP
Russia, Khabarovsk*

**CURRENT CHALLENGES, POTENTIAL THREATS AND KEY RISK-
FORMING FACTORS IN THE FIELD OF INFORMATION SECURITY OF
THE EXECUTIVE BODIES OF STATE POWER OF THE SUBJECTS OF
THE RUSSIAN FEDERATION: A MANAGERIAL ASPECT**

Annotation: Based on an independently conducted research, the author of the article identifies, systematizes and presents the challenges, threats and risk-forming factors most characteristic of the authorities of domestic regions in the field of ensuring information security of their activities. In conclusion, the article formulates potentially possible positive changes that may occur due to the consideration in their activities of the results of the presented research by the

leadership of the executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation in terms of strengthening their information security.

Keywords: public administration, executive authorities, regional administration, information security, information protection.

Актуальность научно-практического решения проблем в области обеспечения информационной безопасности органов публичной власти связана с наличием следующего противоречия. С одной стороны, по-настоящему высокой управленческой эффективности в современном мире способны добиться лишь те органы власти, деятельность которых основана на технологиях анализа больших объемов данных. Такие технологии активно используются и в исполнительных органах государственной власти регионов Российской Федерации. Однако, с другой стороны, немалая часть указанных технологий по-прежнему основана на зарубежных разработках. Отечественные аналоги в настоящее время имеются далеко не во всех сегментах информационной инфраструктуры органов публичной власти, а в ряде – в принципе отсутствуют. Имевшее место последние десятилетия повсеместное внедрение иностранных информационных и коммуникационных технологий, в том числе на объектах критической информационной инфраструктуры, сегодня лишь усложняет решение задачи по обеспечению защиты интересов граждан и государства в информационной сфере.

В свою очередь, доступность средств вычислительной техники привела к распространению компьютерной грамотности в широких слоях населения, что закономерно привело к увеличению числа попыток неправомерного вмешательства в работу государственных автоматизированных систем. К сожалению, многие из этих попыток имеют успех и наносят значительный урон всем заинтересованным субъектам информационных отношений.

С использованием сети «Интернет» всё чаще совершаются компьютерные атаки на государственные и частные информационные ресурсы,

на объекты критической информационной инфраструктуры.

Дополнительным весомым аргументом в пользу усиления научного внимания к актуальным аспектам решения задач в области обеспечения информационной безопасности органов публичной власти является бурное развитие и распространение компьютерных вирусов, способных скрытно существовать в информационно-телекоммуникационных системах и совершать потенциально любые несанкционированные действия. Особую опасность для информационных систем исполнительных органов государственной власти регионов страны представляют также злоумышленники, специалисты-профессионалы в области информационных технологий из недружественных Российской Федерации государств, досконально знающие все достоинства и слабые места вычислительных систем и располагающие подробнейшей документацией, а также самыми совершенными инструментальными и технологическими средствами для анализа и взлома механизмов защиты.

Таким образом, совершенствование способов и средств технической разведки, повышение опасности угроз несанкционированного доступа к информации и специальных воздействий на нее в системах и средствах информатизации и связи, происходящие с течением времени изменения условий и приоритетов защиты объектов также диктуют необходимость усиления системы защиты информации в деятельности исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Гипотезой исследования, в указанном ключе явилось предположение о том, что несмотря на определенные управленческие достижения органов исполнительной власти отечественных регионов в области обеспечения информационной безопасности и достижения существенного технологического суверенитета, в вверенных им сферах публичного управления в настоящий момент присутствует ряд нерешенных трудностей, проблем и негативных тенденций, которые не только препятствуют

эффективному развитию системы обеспечения информационной безопасности, но и имеют склонность к дальнейшему развитию (усугублению) без соответствующего проактивного, упреждающего или ретроспективного управленческого вмешательства.

Непосредственные профессиональные наблюдения автора настоящей статьи, результаты интервью и бесед с экспертами – сотрудниками, служащими и специалистами Министерства цифрового развития и связи Хабаровского края, а также самостоятельно проведенное в рамках подготовки настоящей статьи теоретическое исследование, заключающееся в анализе более трех десятков профильных отраслевых документов стратегического планирования субъектов Российской Федерации, в число которых, например, вошли программы и официальные документы Нижегородской области [1], Рязанской области [2], Республики Крым [3], Смоленской области [4], Республики Дагестан [5], Нижегородской области [6], Республики Башкортостан, Кабардино-Балкарская Республика [8], Хабаровского края [9], Амурской области [10], Омской области [11], Республики Тыва [12], Ханты-Мансийском автономном округе - Югре» [13], Курганской области [14], Самарской области [15], Республики Дагестан» [16], Республики Калмыкия [17], Санкт-Петербурга [18], Калининградской области» [19], Псковской области [20], Московской области [21], Липецкой [22], позволили выявить, установить и систематизировать ряд представленных ниже актуальных вызовов и потенциальных угроз в сфере обеспечения информационной безопасности исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации в управленческом аспекте их деятельности.

Проведенное исследование позволило установить, что *базовыми потенциальными угрозами* - слабыми сторонами и основными факторами, сдерживающими развитие сферы информационных технологий в целом и вопросов информационной безопасности в частности, в сегменте государственных информационных ресурсов субъектов Российской

Федерации, к сегодняшнему дню в основном являются следующие:

- наличие большого количества слабо интегрированных государственных информационных систем;
- неравномерный уровень развития информатизации в различных сферах публичного управления региональных правительств;
- недостаточный общий уровень защиты информации в госорганах;
- низкий уровень использования электронного документооборота в текущей деятельности органов государственной власти регионов;
- наличие большого количества слабо интегрированных государственных информационных систем в деятельности властей отечественных регионов;
- отсутствие соответствующих подразделений (отдельных должностей) в отдельных органах государственной власти, непосредственно отвечающих за состояние информационной безопасности;
- недостаточный уровень подготовленности должностных лиц, отвечающих за состояние защищенности объектов информатизации в госорганах.

Несмотря на то, что для каждого объекта защиты в том или ином исполнении характерны свои угрозы, последствия реализации угроз, источники угроз, методы, способы и средства защиты от угроз, подходы к оценке эффективности реализуемых мероприятий по обеспечению информационной безопасности, однако, *возникновению и распространению информационных рисков* в системе деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, как показало проведенное исследование, на региональном уровне в целом *в существенной степени способствуют следующие ключевые рискообразующие факторы:*

1. Рост автоматизации деловых процессов в деятельности региональных органов исполнительной власти.
2. Увеличение объема обрабатываемой, передаваемой и хранимой

региональными органами исполнительной власти информации.

3. Сосредоточение в базах данных региональных органов исполнительной власти информации различного уровня важности, конфиденциальности и доступа.

4. Расширение круга пользователей, имеющих доступ к информационным системам региональных органов исполнительной власти, в том числе в связи с расширением сотрудничества региональных органов исполнительной власти с другими субъектами Российской Федерации и иными партнерами.

5. Увеличение числа удаленных рабочих мест пользователей, появление мобильных рабочих мест.

6. Широкое использование региональными органами исполнительной власти информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и различных каналов связи.

7. Рост деловой и инвестиционной активности в субъектах Российской Федерации, который требует соответствующей динамики развития системы управления регионом, которая, в свою очередь, требует развития ИТ-инфраструктуры.

8. Рост компьютерных преступлений и прочих видов угроз информационной безопасности.

9. Присутствие на территории отечественных регионов совместных предприятий (в том числе с иностранным участием).

10. Возрастание опасности угроз, возникающих в непосредственной близости от защищаемых объектов региональными органами исполнительной власти.

11. Неспособность отдельных исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации к организации самостоятельно обеспечить эффективную внутреннюю систему защиты информации.

12. Неблагоприятная криминогенная обстановка, сопровождающаяся тенденциями сращивания государственных и криминальных структур в информационной сфере, получения криминальными структурами доступа к информации ограниченного доступа, усиления влияния организованной преступности на жизнь общества.

13. Недостаточная координация деятельности региональных органов исполнительной власти по формированию и реализации единой политики в области обеспечения информационной безопасности на территории субъекта Российской Федерации.

14. Недостаточная разработанность региональной правовой базы, регулирующей отношения в информационной сфере, а также недостаточная и неразвитая, отстающая от реальных трендов правоприменительная практика.

15. Недостаточное финансирование мероприятий по обеспечению информационной безопасности в региональных органах исполнительной власти.

16. Недостаточное количество квалифицированных кадров, специализирующихся на защите информации, в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

17. Пренебрежение должностными лицами, непосредственно работающими на объектах информатизации (операторы государственных информационных систем) требованиями Законодательства Российской Федерации и локальных нормативных правовых актов в области информационной безопасности «человеческий фактор».

Описанное выше теоретическое исследование, основанное на анализе текстов отраслевых документов стратегического планирования отечественных регионов, непосредственные наблюдения автора настоящей статьи, полученные как в результате самостоятельного анализа первичных отчетных и статистических документов, так в результате прохождения соответствующего вида практики при обучении в магистратуре, позволили

установить и выявить следующие сложившиеся к сегодняшнему дню **актуальные вызовы** для информационной инфраструктуры управления органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, прямо или косвенно влияющие на степень обеспечения их информационной безопасности:

1. Недостаточный уровень осведомленности пользователей и сотрудников актуальными случаями воздействия злоумышленниками на информационные ресурсы, а также способами и действиями при возникновении таких случаев.

2. Отсутствие централизованных защищенных каналов связи для передачи набора данных во многих исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

3. Отсутствие совместимости отечественного программного обеспечения с уже применяемыми в настоящее время в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственных им учреждениях информационными технологиями.

4. Недостаточный уровень информирования со стороны профильных подразделений по информационной безопасности сотрудников и граждан о современных вызовах в кибербезопасности и способах противодействия им.

5. Недостаточный уровень автоматизации процессов защиты информации в сфере информационного обеспечения осуществления полномочий исполнительных органов государственной власти регионов России.

6. Общий недостаточно высокий уровень защищенности государственных информационных систем и информационных ресурсов отечественных регионов, не поспевающий за современными угрозами и вызовами из «внешней среды».

7. Недостаточно высокий уровень обеспечения безопасности объектов критической информационной инфраструктуры исполнительных органов

государственной власти субъектов Российской Федерации и подведомственных им учреждений.

8. Недостаточность нормативных оснований для внедрения новых принципов и технологий межведомственного информационного взаимодействия с повышенными уровнями защиты информации в отношении субъектов взаимодействия, не являющихся органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации (в том числе для внедрения механизмов автоматизированного и автоматического межведомственного взаимодействия).

9. Во многих сегментах и сферах публичного управления – полное либо частичное отсутствие отечественного программного обеспечения и средств защиты информации, соответствующего предъявляемыми региональными органами исполнительной власти требованиям к функциональным характеристикам.

Обобщая сказанное, справедливо сформулировать результирующий вывод о том, что, в управленческо-техническом плане, ключевая проблемная ситуация заключается в том, что стабильное и устойчивое обеспечение информационной безопасности в сегменте государственных информационных ресурсов региональных властей России на сегодняшний день во многом сдерживается значительным различием по глубине использования информационных технологий внутри исполнительных органов власти одного (каждого конкретного) субъекта Федерации, а также расположенных на его территории организациях, учреждениях и домашних хозяйствах. Сказанное дополняется, как правило, существенной разрозненностью, несогласованностью государственных информационных систем, а также дублированием информации в базах данных функционирующих государственных информационных систем субъекта Российской Федерации.

Информационная безопасность требует комплексного подхода,

сочетающего технологические инновации, регуляторное соответствие, обучение персонала и международное сотрудничество. Угрозы будут эволюционировать, но проактивность и адаптивность снизят риски для органов государственной власти.

Соответственно, главной стратегической проблемой обеспечения информационной безопасности в сегменте государственных информационных ресурсов на региональном уровне, как показало проведенное исследование, в обозримом будущем будет являться задача создания условий для использования преимущественно отечественного программного обеспечения исполнительными органами государственной власти отечественных регионов и подведомственными им учреждениями, а также повышения уровня защищенности государственных информационных систем и обеспечения функционирования средств защиты информации в государственных информационных системах субъектов Федерации в условиях нарастающего импортозамещения и продолжающегося процесса достижения технологического суверенитета.

В заключение статьи, говоря о практической применимости, ценности и полезности представленных результатов проведенного исследования, автор настоящей статьи считает возможным выдвинуть обоснованное предположение о том, что учёт в реальной деятельности отечественных регионов показанных выше и общехарактерных для их сфер информационной безопасности вызовов, угроз и рискообразующих факторов, в действительности способен заложить устойчивые основы для дальнейшего перехода на новый и совершенно иной уровень информационной безопасности регионов и страны в целом.

Безусловно, устранение обозначенных рисков потребует существенного усиления внимания региональных властей к вопросам организации защиты персональных данных, принятия дополнительных мер правового и технического характера, сложных по реализации и затратных по исполнению.

Однако, в случае успеха, укрепление системы информационной безопасности по выше обозначенным направлениям в достаточно короткие сроки способно привести ко вполне ощутимым позитивным управленческим результатам, положительным бюджетным и социально-экономическим эффектам, а именно:

Во-первых, увеличение лицензионной чистоты программного обеспечения, используемого в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации;

Во-вторых, минимизация рисков финансовых потерь и социальной нестабильности, которые могли бы наступить ввиду несанкционированного доступа к информационным системам региональных органов исполнительной власти, искажения или уничтожения обрабатываемых в них информационных ресурсов;

В-третьих, повышение степени оснащённости исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации высокоэффективными программно-техническими средствами защиты информации;

В-четвертых, повышение уровня координации деятельности региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций при решении задач защиты информации на вверенной им территории;

В-пятых, повышение уровня доверия общества к действиям региональных органов исполнительной власти в целом и в части их действительной обеспокоенности вопросами информационной безопасности в отдельности;

В-шестых, совершенствование организационной структуры системы защиты информации на региональном уровне, её кадрового обеспечения;

В-седьмых, повышение эффективности бюджетных расходов за счёт сокращения малоэффективных контрактов (договоров), повышения

оперативного контроля исполнения, анализа и предупреждения контрактных (договорных) рисков, провоцирующих угрозы информационной безопасности и, соответственно, ущерб интересам региона России;

В-девятых, снижение суммарной длительности перерывов в работе официальных сайтов органов публичной власти субъектов Российской Федерации;

В-десятых, улучшение методической обеспеченности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций субъектов Российской Федерации документами в области защиты информации;

В управленческом плане, практическая реализация предложенных рекомендаций позволит существенным образом повысить эффективность функционирования систем защиты информации регионов, укрепить степень защиты информации, её контроля, качество информационного обеспечения и уровень автоматизации деятельности исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

В конечном счете, учёт представленных результатов проведенного исследования может и будет прямо способствовать созданию обновленной системы обеспечения информационной безопасности каждого региона, соответствующей задачам обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, безопасности и устойчивого развития субъекта Федерации с учетом его экономических, трудовых и финансовых возможностей и адекватно реагирующую на угрозы безопасности информации в социально-экономической, административно-управленческой, правоохранительной и других сферах деятельности.

Использованные источники:

1. Об утверждении Концепции информационной безопасности Нижегородской области: Постановление Правительства Нижегородской области от 31.12.2015 № 920. Доступ из справ.-правовой системы

«КонсультантПлюс».

2. Об утверждении Концепции защиты информации в исполнительных органах государственной власти Рязанской области на 2021 - 2025 годы: Распоряжение Правительства Рязанской области от 14.01.2021 № 4-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении концепции информационной безопасности: Приказ Министерства здравоохранения Республики Крым от 19.02.2018 № 267 (в ред. от 22.04.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении Концепции защиты информации на территории Смоленской области на период 2014 - 2020 годов: Постановление Администрации Смоленской области от 11.12.2014 № 848. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «Комплексная программа информационной безопасности в Республике Дагестан на 2015-2017 годы»: Постановление Правительства РД от 25.11.2014 № 570. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об утверждении Концепции информационной безопасности автоматизированной информационной системы: Приказ министерства социальной политики Нижегородской области от 30.01.2015 № 35. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об утверждении регионального проекта «Информационная безопасность» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства РБ от 12.12.2018 № 1302-р (ред. от 11.11.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об обеспечении безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры: Приказ Минздрава КБР от 18.07.2022 № 270-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об утверждении Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Хабаровского

края: Распоряжение Правительства Хабаровского края от 21.09.2022 № 1255-рп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О создании централизованной системы управления инцидентами информационной безопасности: Постановление Правительства Амурской области от 28.06.2024 № 512. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Об утверждении политики информационной безопасности органов исполнительной власти Омской области: Приказ Министерства цифрового развития и связи Омской области от 22.12.2022 № 6-п. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности в Республике Тыва: Распоряжение Правительства Республики Тыва от 26.05.2022 № 276-р (ред. от 23.08.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре: Распоряжение Правительства ХМАО - Югры от 14.07.2023 № 453-рп (ред. от 25.11.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. О государственной программе Курганской области «Информационное общество: Постановление Правительства Курганской области от 29.12.2023 № 468. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. О мерах по обеспечению информационной безопасности в Правительстве Самарской области: Постановление Правительства Самарской области от 12.04.2023 № 295. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности в органах исполнительной власти Республики Дагестан: Постановление Правительства РД от 14.11.2024 № 366. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Об утверждении Политики в области информационной безопасности в

органах исполнительной власти Республики Калмыкия: Распоряжение Правительства Республики Калмыкия от 22.05.2024 № 177-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности: Распоряжение Губернатора Санкт-Петербурга от 29.05.2023 № 2-рг. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Об утверждении политики информационной безопасности в Правительстве Калининградской области: Постановление Правительства Калининградской области от 01.10.2024 № 376-п. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности в Псковской области: Распоряжение Правительства Псковской области от 02.06.2022 № 5-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Об утверждении Политики информационной безопасности центральных исполнительных органов и государственных органов Московской области: Распоряжение Мингосуправления МО от 10.10.2023 № 11-154/РВ-08. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. О комиссии по информационной безопасности в Липецкой области: Распоряжение Правительства Липецкой обл. от 09.12.2022 № 611-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Оглавление

Han Ning, RESEARCH ON THE COORDINATION EVALUATION OF RESOURCE EFFICIENCY OF URBAN AND RURAL BASIC EDUCATION FACILITIES—TAKING JINING DISTRICT IN ULANQAB CITY AS AN EXAMPLE	3
Баглюк С.Б., РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ И ВЕЖЛИВОСТЬ В ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	20
Волкова К.А., ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ: СТРАТЕГИИ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОХВАТА.....	37
Гаспарян А.В., Дмитриева А.А., ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И РАЗВИТИЕ РЫНКА ГЕННОМОДИФИЦИРОВАННЫХ ПРОДУКТОВ	43
Гаспарян А.В., ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ГЕННОМОДИФИЦИРОВАННЫХ КУЛЬТУР: МАРКЕТИНГОВЫЙ АСПЕКТ	47
Сорокина О.Г., Кавток А.В., Иванова В.С., ПОДБОР ПЕРСОНАЛА КАК ОСНОВНОЙ БИЗНЕС-ПРОЦЕСС КАДРОВОГО АГЕНТСТВА	52
Сорокина О.Г., Лохмотов Д.А., РОЛЬ И СТРУКТУРА ОРГАНИЗАЦИОННОГО КАПИТАЛА КОМПАНИИ	58
Сучков Е.П., АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ, ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И КЛЮЧЕВЫЕ РИСКООБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ	64

Научное издание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы II международной научно-практической конференции
19 марта 2025

Статьи публикуются в авторской редакции
Ответственный редактор Смирнова Т.В.
Компьютерная верстка Чернышова О.А.